

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

№1 · 2022

ПУТЬ АНАЛИТИКА: стремление, преодоление, достижение

Профессиональное
становление:
через тернии – к звездам

XIV Зимняя
школа ЕАРПП:
Нарциссизм

Психоанализ культуры:
свободные ассоциации
в кино

ЕАРПП

Национальное отделение
ЕСРР (Vienna, Austria)

Электронный периодический
(ежеквартальный) научно-
информационный журнал
«Пространство психоанализа
и психотерапии» ©

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
и Роспотребнадзоре.

Учредитель и издатель:
МОО «Европейская ассоциация
развития психоанализа
и психотерапии» (ЕАРПП)
Свидетельство ОГРН
1186658093764 от 21.04.2020 г.

Подписка: бесплатно для
читателей. Для ознакомления
с номером достаточно зайти
на сайт <https://earpp.ru/>.

Для получения уведомлений
о выходе нового номера
подпишитесь на общую
рассылку сайта.

Адрес размещения номеров:
https://earpp.ru/journal_earpp/

Для контактов с редакцией:
E-mail: earpp.journal@gmail.com

Данные № 1 (5), 2022:
Дата выхода: 20 апреля 2022 г.

ISBN 978-5-6048201-0-0

ISBN 978-5-6048201-0-0

9 785604 820100

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор: Т.О.Тишкова

Заместитель главного редактора,

куратор рубрик «События» и «Людьми про людей»:

Г. В. Гридаева

Научный редактор:

Я. И. Коряков

Редактор рубрики «Тема номера»:

Т. В. Мизинова

Редактор рубрики «Из мира науки»:

Х. Г. Фостиропуло

Руководитель проекта «Звезды мирового

психоанализа»: Т.А.Тармогина

Вёрстка: Е. Артемьева

Все права защищены.

Перепечатка текстов и иллюстраций только с разрешения
редакции. При цитировании ссылка на журнал «Пространство
психоанализа и психотерапии» обязательна.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов. Редакция
не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Благодарности

Редакция журнала выражает благодарность
за добровольные пожертвования на развитие
проекта, которые помогли пятому номеру
состояться. Мы благодарим как частных спонсоров
(Т.В. Мизинову, А.А. Тимошкину, Т.О. Тишкову,
Г.В. Гридаеву, Ю.Е. Стулову, С.Г. Верховых и др.),
так и региональные отделения ЕАРПП (Москва,
Республика Башкортостан, Санкт-Петербург,
Челябинск)

Спасибо! Ваша помощь важна!

Если вы хотите оказать изданию финансовую поддержку,
свяжитесь с Казначеем ЕАРПП Тишковой Татьяной
Олеговной

aloxa50@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Второй год работы журнала, нашего ребенка, как его нежно называет редакционный совет, мы рассчитываем прожить так же насыщенно, как и первый. Идеи, которые мы получаем во время Круглых столов на конференциях ЕАРПП, в письмах читателей, будут развиты и реализованы.

Первый номер в 2022г. году продолжает неисчерпаемую тему тернистого пути аналитика к профессиональному становлению. Второй номер будет посвящен травме: как мы справляемся с ее различными проявлениями и последствиями в современной реальности. Третий номер планируется окрасить сексуальностью в ее причудливых проявлениях: как очевидное стало невероятным и невероятное очевидным.

Редакционный совет приглашает вас, наши читатели и авторы, продолжить совместное путешествие по волнам мыслей, открытий, эмоций, которыми наполнен наш с вами журнал. Пишите, предлагайте. Мы вместе создали новое информационное пространство, в котором постоянно прокладываем новые пути. В этом номере появилась рубрика Дискуссия — надеемся, что она станет открытым пространством для разных точек зрения, мы сможем «ломать копыя» и оттачивать мастерство дискурса. Вместе мы сделаем журнал богаче и ярче.

Благодаря энергии и творческим усилиям авторов, редакции, финансовой помощи ЕАРПП и отдельных спонсоров, равнодушным друзьям журнал продолжает жить. Спасибо всем.

Главный редактор Татьяна Тишкова

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА 6

Интервью Нэнси МакВильямс

Верьте себе 9

Т.И.Шишкина

На границе двух миров 26

СОБЫТИЯ 30

XIV Зимняя школа ЕАРПП в Екатеринбурге:
«Нарциссизм»

Г.В.Гридаева

Три грани всемогущества 32

Н.А.Сухова

Почему Иисус Христос – суперзвезда:
история Рождества 44

С.Ю.Терехина

Нарциссизм: защитная
или деструктивная мотивация 48

Е.В.Васильева

О ком плачет эхо 56

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

62

М.Л.Францев

«Убийство священного оленя»

64

М.М.Шведова

«Что-то не так с Кевином»

69

ДИСКУССИЯ

72

А.А.Игнатъев

Инфекция, скверна, моральная паника

74

АНОНСЫ

82

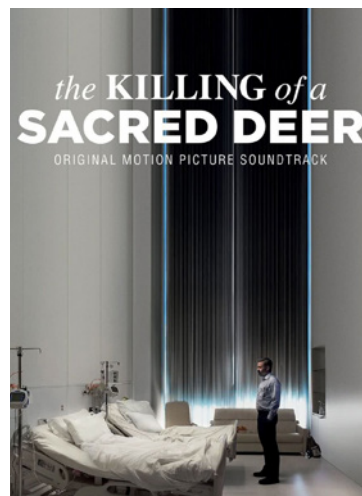
И.А.Барминов

История одной шизофрении

83

Про Петю и косточку

83

ТЕМА НОМЕРА

Путь аналитика – неисчерпаемая тема. Редакция изначально решила посвятить два выпуска нашего журнала осмыслению различных аспектов формирования идентичности аналитика.

В этом номере в насыщенном и ярком интервью Ненси Мак-Вильямс отражены многие проблемы начинающих аналитиков – от неприязни к самому психоанализу и дискредитации психоаналитических традиций до выбора супервизора, который бы не самоутверждался за счет женщины, поскольку в американском обществе существовал стереотип, что девочка не может быть одновременно матерью и профессионалом. Ненси Мак-Вильямс размышляет о подготовке студентов в 50–60-е г. и современных, о влиянии культурных традиций и научных знаний на аналитика, о будущем психоанализа и, в частности, о нейропсихоанализе.

Статья Татьяны Шишкиной об уникальном опыте психоаналитически ориентированного психолога из сообщества глухих и слабослышащих людей, о начале профессионального пути на границе двух миров.

Верьте себе

С особой гордостью и радостью представляем вашему вниманию эксклюзивное интервью с выдающимся американским психологом и психоаналитиком, профессором психоаналитической теории и терапии Высшей Школы Прикладной и Профессиональной Психологии Ратгерского Университета (Нью-Джерси), почетным членом Американской Психоаналитической Ассоциации, автором книг по психодиагностике и психотерапии, ставших незаменимыми учебными пособиями для практикующих аналитиков и студентов, настоящей «живой легендой» психоанализа – Нэнси МакВильямс.

Нэнси МакВильямс (Nancy McWilliams)

- Психолог, психоаналитик
- Доктор философии по психологии (Ph.D.)
- Приглашённый профессор психоаналитической теории и терапии в Высшей школе прикладной и профессиональной психологии Ратгерского университета
- Бывший президент отделения психоанализа в Американской психологической ассоциации
- Внештатный редактор журнала «The Psychoanalytic Review» и член редакционной коллегии журнала «Psychoanalytic Psychology»
- Автор четырёх книг, три из которых посвящены психодиагностике и одна практике психотерапии. На русском языке изданы три: «Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе», «Психоаналитическая психотерапия: Руководство практика» и «Формулирование психоаналитического случая».
- МакВильямс формирует особую парадигму восприятия профессии терапевта.

— Нэнси, очень рада Вас приветствовать. Благодарю за возможность этой беседы, тем более в такой час. У Вас же сейчас совсем рано, 8 утра?

— Да, верно (улыбается)

— Этот выпуск нашего журнала посвящен очень важной теме – «Путь становления аналитика, формирование профессиональной идентичности». Ваш путь, безусловно, представляет собой особенный интерес. Можно сказать, что Ваша история – это история современного психоанализа. И мой первый вопрос мне хотелось бы посвятить обсуждению личностных качеств аналитика. Должен ли кандидат в аналитики обладать какими-то особенными, специфическими чертами или же эта профессия доступна любому желающему?

— У меня довольно смешанные чувства на этот счет. Когда я начинала, мне, как психологу, был закрыт вход во многие психоаналитические институты. В то время в Америке действовали ограничения для кандидатов без медицинского образования. Я училась в институте, основанном Теодором Райком, тем самым, о котором Фрейд написал свое эссе «Вопрос о непрофессиональном психоанализе». Райк был первым психологом-психоаналитиком. Несмотря на то, что Райк был фактически протее Фрейда, его обвиняли в том, что он начал практику без надлежащей подготовки. В ответ на это Фрейд написал замечательную статью, в которой утверждал, что лучшей подготовкой психоаналитика совсем не обязательно является медицинская степень, но образование в самом

широком смысле – в гуманитарных и социальных науках, психологии и даже искусстве. Это было очень убедительно. И я пошла в институт, который основал Райк, когда ему было запрещено преподавать в других университетах Нью Йорка именно потому, что он был психологом. Мне очень близка позиция его института, который принимал студентов с совершенно разнообразными знаниями и навыками – от социологов до религиозных философов и социальных активистов, и все они стали прекрасными аналитиками. Да, это стало очень важной частью моей профессиональной идентичности.

Психология внесла очень ценный вклад в мое психоаналитическое становление. Думаю, что без таких знаний кандидату довольно сложно ориентироваться. Возможно, не обязательно психология, но некие знания или опыт в области психического здоровья, поддержки, понимания индивидуальных особенностей человека и его природы были бы очень полезны начинающему специалисту.

Фрейд написал замечательную статью, в которой утверждал, что лучшей подготовкой психоаналитика совсем не обязательно является медицинская степень, но образование в самом широком смысле – в гуманитарных и социальных науках, психологии и даже искусстве.

Если у вас в психоаналитических и психотерапевтических институтах допускается прием студентов без базовых знаний по психологии, психиатрии, социальной помощи, уходу, консультированию и прочим дисциплинам, относящихся к области психического здоровья и работы с людьми, то весьма целесообразно организовать специальный курс для начинающих и познакомить их с основными понятиями. Мне очень близка позиция Фрейда, утверждавшего, что чем шире и разнообразнее ваши знания, тем лучше для вашей аналитической деятельности.

— А как Вы считаете, существуют ли барьеры для освоения профессии? И, в частности, личные особенности, которые не позволяют стать аналитиком или существенно затрудняют этот путь?

— Я бы, скорее, говорила об особенностях характера или структуры личности кандидата, чем о специфике самой психоаналитической практики. Кандидат в аналитики, безусловно, должен быть любознательным, пытливым, искренне интересующимся другим. Он также должен соблюдать этический кодекс. Страшно, даже опасно, когда человек с отсутствием морально-этических принципов или психопатического склада получает власть и эмоциональный контроль над другим человеком.

— А как Вы относитесь к нарциссическим структурам и расстройствам с точки зрения профессиональной пригодности кандидата?

— Я знала многих довольно неплохих аналитиков, которых я могла бы определить как весьма нарциссические персоны. Однако, если им самим известна их особенность, если она ими осознана и принята к объективной проработке, думаю, в таком случае они вполне способны стать хорошими специалистами. А вот, если этого не происходит,

если они настроены, сознательно или бессознательно, конкурировать, доминировать, доказывать свое превосходство, тогда, конечно, это - большая проблема, как для пациентов, так и для образовательных институтов. Такие люди будут иметь своих последователей и своих ненавистников, постоянно плодить межличностные конфликты вокруг собственного лидерства и в целом вносить много ненужного дискомфорта. Но, повторюсь, если специалист осознает свою нарциссическую природу и готов с ней честно сотрудничать, тогда он может стать хорошим аналитиком.

— Какова роль личного анализа в осознании своей природы? Является ли это обязательным условием для входа в профессию?

— Я думаю, да. Мне сложно представить, как можно анализировать пациента, не пройдя этот путь самому. Откуда брать силы и понимание происходящего процесса и его интенсивности, как осознавать контртрансферентные реакции и не принимать их слишком лично? Я смотрю на свою аналитическую практику и понимаю, насколько она обусловлена моим личным опытом терапии. Только опираясь на собственный анализ, я смогла понять, почему мой аналитик поступил вот так и это оказалось правильным, когда я была в таком состоянии, в каком сейчас находится мой пациент. Я считаю, что личный анализ чрезвычайно полезен по очень многим причинам. Полагаю, что все аналитические институты единодушны в этом. Есть некоторые образовательные учреждения, во Франции, например, которые не настаивают на прохождении личного анализа, однако у них сформировалась своего рода культура вокруг психоанализа и психотерапии, в которой от кандидата это ожидается. Крайне редко кандидат обходит это негласное условие и, даже если оно не является официальным условием обучения, отступление от него вызывает вопросы.

— На протяжении Вашей профессиональной деятельности изменялись кандидаты или профиль психоаналитика плюс-минус один и тот же?

— Я могу поделиться своими наблюдениями только о состоянии специалистов в Соединённых Штатах Америки, где я работала и продолжаю работать уже более 40 лет. И здесь я бы выделила два направления, в которых вижу изменения. С тех пор, как психоанализ утратил свой исключительный статус, в профессию стали приходить более увлеченные люди. Среди них все меньше нарциссически мотивированных кандидатов, для которых психоанализ являлся лишь способом выйти на самый престижный уровень в своей области, например, психолога или психиатра. В 50-60-х и даже 70-х годах было очень распространено прохождение аналитического тренинга среди амбициозных карьеристов, метивших в руководители психиатрических отделений. Психоаналитическое образование считалось тогда самым престижным и радикально поднимало профессиональный статус его обладателя. И многие шли в психоанализ исключительно с прагматической целью, не будучи при этом по-настоящему увлеченными и интересующимися анализом кандидатами. Такие люди демонстрировали высокомерие, даже заносчивость, заставляя других чувствовать себя менее значимыми, менее заслуживающими профессионального уважения. Все

Мне очень близка позиция Фрейда, утверждавшего, что чем шире и разнообразнее ваши знания, тем лучше для вашей аналитической деятельности.

Если специалист осознает свою нарциссическую природу и готов с ней честно сотрудничать, тогда он может стать хорошим аналитиком.

это – нарциссические проявления, конечно. Существенным достижением текущего периода является то, что в профессию приходят люди, которые движимы неподдельным интересом к психоанализу, им действительно хочется его изучать и практиковать. Такая мотивация, безусловно, более здоровая и конструктивная.

— Можно сказать, что современное поколение аналитиков более осознанное?

— Да, я думаю, так. Они идут в психоаналитики не для того, чтобы стать известными или более успешными, а потому что считают психоаналитическое образование лучшим. И это – серьезное изменение. Во-вторых, я бы отметила различие в уровне подготовки кандидатов. К сожалению, вынуждена признать, что он стал существенно ниже. Я привыкла полагаться на более высокий базовый уровень знаний студентов; раньше, поступая в университет, они уже знали что-то о Фрейде, Эриксоне, Юнге, проходили какие-то специализированные курсы, например, по теории личности, в общих чертах были знакомы с этапами развития личности. Может быть, не настолько глубоко, чтобы свободно ориентироваться в стадиях психосексуального развития, сформулированных Фрейдом, но хотя бы Малер с ее сепарацией-индивидуацией или концепция привязанности были им известны. А сейчас приходят студенты для того, чтобы получить эти знания уже в университете. И это меня огорчает. Нынешние студенты – столь же развитые и умные, как раньше, даже более мотивированные и целеустремленные, однако значительно меньше знакомы с основами психоанализа по сравнению с предыдущими поколениями. Когда я училась в университете, мы все буквально зачитывались психоаналитическими книгами, они были очень популярны, их было много самых разнообразных: Эрих Фромм, Эрик Эриксон, Ролло Мэй, Карен Хорни, Теодор Райк, Норман О.Браун, Герберт Маркузе. Все эти авторы очень повлияли на мое развитие. Да, в этом вопросе произошла большая перемена.

На самом деле, психоанализ в Америке сначала был сильно идеализирован, а после низвергнут и даже обесценен. Я встречаю студентов, которые всерьез думают, что психоанализ был полностью дискредитирован и больше не практикуется. К сожалению, они учились у невежественных профессоров-теоретиков, которые никогда не работали с пациентами и ничего не знают о современном психоанализе. Они считают, что весь психоанализ определен всего лишь одной примитивной процедурой – положить человека на кушетку, рассказать ему о его зависти к пенису и сделать это с особым высокомерием.

— Время, когда Вы начинали свой профессиональный путь, можно назвать золотыми годами психоанализа?

— Да. Но многие так считают, потому что психоанализ тогда находился на пике престижности и элитарности. Думаю, такой статус сыграл не лучшую роль для его дальнейшего развития. Однако нельзя отрицать, что это были чудесные, будоражащие времена. В мои университетские годы активно работали Роберт Столорю и Джордж Атвуд, которые вместе разрабатывали интересубъективный подход в психоанализе, ставший предтечей реляционного направления. Мы изучали Кляйн, Ференци, Биона; все также с большим интересом читали работы Фрейда.

— А пациент, на ваш взгляд, изменился с тех пор?

— Да, изменился, пациенты стали более тяжелыми. Так много изменений произошло в мире с тех пор. Глобализм, с одной стороны, дает ощущение открытого мира, а с другой – ощущение собственной малости, незначимости. В таком большом мире, как сейчас, очень сложно сформировать здоровую самооценку. Пандемия стала настоящей трагедией для людей, по крайней мере, в Соединенных Штатах. Когда я была молода, я и представить себе не могла, насколько это было счастливое время – 60-е. Мы были уверены, что после учебы получим прекрасную работу, не только интересную и востребованную, но и социально значимую, полезную, и это очень вдохновляло нас. Сейчас же я вижу студентов, которые выросли с мыслью, что им нужно получить такую профессию, которая гарантировала бы им выживание, даже если это не совсем то, чем им хотелось бы заниматься. Они чувствуют гораздо большую социальную незащищенность. И это не означает, что у нас этого не было, конечно, было, но совсем иначе. Например, я училась в период холодной войны, и мы боялись, что русские начнут нас бомбить ядерным оружием. Я уверена, что и вы боялись того же, только с нашей стороны.

— Да, так и было

— Вот, но это не было таким, своего рода, незрелым, инфантильным ощущением небезопасности. Интернет, на мой взгляд, провоцирует ощущение себя именно таким – совсем маленьким, незащищенным. Например, если твой бывший парень выложит твои полуобнаженные фотографии в сеть, ты будешь опозорена сразу на весь мир, по крайней мере, в своей собственной голове. До интернета такого никак не могло произойти. Максимум, эти фотки могли оказаться еще у пары приятелей и все. Масштаб жизни очень поменялся. Человек эволюционно развивался в небольших родовых общинах, теперь же он сравнивает себя не со старейшинами своей общины, но с глянцевыми селебрити, выставляющими себя на всеобщее обозрение в качестве идеала красоты, богатства, влияния, славы. Не так много возможностей, скажем честно, почувствовать себя

Только опираясь на собственный анализ, я смогла понять, почему мой аналитик поступил вот так и это оказалось правильным, когда я была в таком состоянии, в каком сейчас находится мой пациент.

равным таким идолам, значимым и ценным, как минимум для себя самого и своего круга. И как результат, мы видим рост числа депрессивных пациентов, тревожных расстройств, расстройств пищевого поведения. Консультативные центры при колледжах только открывались, когда я училась в университете. Это было в новинку, обратиться за консультацией по вопросам психоэмоционального состояния было совершенно новой, непривычной возможностью, и таких желающих было очень мало. Сейчас же при моем колледже работает огромный центр, и он переполнен студентами, которые обращаются туда с серьезными проблемами, среди которых все чаще встречаются суицидальные и психотические расстройства, в том числе и шизофренического спектра. Среди студентов университетов количество людей с серьезными расстройствами личности выше, чем когда-либо. И причина, на мой взгляд, кроется в изменении

культурного контекста. Мир, в котором развивалась моя профессиональная идентичность, был все же в неплохой форме, несмотря на ядерную угрозу. По крайней мере, мы не боялись, что мир может вообще исчезнуть, перестать существовать, потому что закончатся запасы воды, истратятся или уничтожатся все природные ресурсы, атмосфера станет непригодной для жизни. Многие мои студенты сейчас не хотят иметь детей, потому что они не уверены, что их дети смогут продолжить жить на этой планете. Такие пессимистические настроения повсюду и их все больше.

— И это, наверное, влияет на рост пограничных пациентов и в целом на тенденцию пограничного функционирования в обществе?

— Да, и я убеждена, что это результат социокультурных изменений. Ребенок, растущий в более традиционном формате родовой общины, находится под присмотром всех членов этой общины. С ростом благосостояния люди, наоборот, стремятся отделиться, уехать в пригород и жить отдельно – семьей, где ребенок растет в лучшем случае с двумя родителями, а совсем нередко, что и с одним. И когда родитель оказывается в сложной ситуации, испытывает стресс, такому ребенку просто некуда идти, не к кому обратиться. Он уже не может прибежать к своему дяде, тете, двоюродной сестре. А если ребенок оказывается в ситуации травли, насилия, сексуального домогательства, он чувствует себя в ловушке просто потому, что близких контактов, где он мог бы рассчитывать на помощь и принятие, просто нет, их стало сильно меньше. А если, например, его мама

Существенным достижением текущего периода является то, что в профессию приходят люди, которые движимы неподдельным интересом к психоанализу, им действительно хочется его изучать и практиковать.

ему не верит, то такой малыш просто обречен. В семье с одним родителем ребенок неизбежно будет вынужден переживать постоянную смену образов хорошей и плохой матери и, конечно, это во многом способствует развитию пограничной организации. Если ребенку не к кому обратиться за помощью, и он продолжает подвергаться абьюзу, у него тоже неотвратимо формируется пограничная динамика. Поэтому да, к сожалению, вынуждена согласиться, тенденция пограничного, а также нарциссического функционирования существенно усиливается в современном обществе.

— А как Вы бы оценили цивилизационную динамику человечества, куда она движется? Понимаю, что вопрос звучит несколько пафосно, но не могу не спросить.

— Существует так много пророчеств по поводу цивилизационной экспансии, глобальной колонизации, истребления коренных народностей. Агитация в пользу такого эволюционного пути постоянно сопровождается сообщениями вроде: все так быстро меняется, нам надо успевать за изменениями или твое видение мира устарело, есть новое и лучшее. Однако такие лозунги только еще больше разрушают самооценку. Человечеству предстоит выработать совершенно новый язык для этой глобальной цивилизации.

— **Может ли в результате этого возникнуть своего рода новая нозологическая единица, например, цифровая организация личности?**

— Как сказать... Я не хотела бы идеализировать традиционную культуру, потому что и в ней, конечно же, происходили свои ужасы и трагедии, однако некоторые проблемы все же были менее распространены. Мне, например, совершенно непонятно, чего ждать в будущем от искусственного интеллекта, и это, признаюсь, пугает меня. Мне хотелось бы донести мысль, что в традиционно организованном обществе все общались друг с другом

вживую, по-настоящему, и у человека просто не было столько возможностей «перепридумать» себя: ты не мог взять и создать аватар или другой вымышленный виртуальный образ себя с другим возрастом и внешностью, который бы просто заменил тебя настоящего – это было невозможно, люди лично знали друг друга. И если кто-то пытался быть не тем, кем он был на самом деле, это быстро обнаруживалось и даже порицалось. А безграничность цифрового пространства и его возможностей в современном мире позволяет беспрепятственно конструировать любые формы идентичности, ложные и искаженные в том числе. Сейчас в Штатах много говорится о таком феномене как фейк ньюс – создание и распространение заведомо ложных новостей, фальсификация по сути. Если у тебя есть позиция по какому-то общественно значимому вопросу, и ты хочешь ее публично высказать и обосновать, тебе достаточно просто создать видео и вбросить его в сеть – видео, которое является обманом, выдумкой, но выглядит при этом очень достоверно. И этого оказывается достаточно, чтобы поддержать свою «правоту»: люди смотрят это видео, обмениваются комментариями. Это очень опасная тенденция, особенно если такие манипулятивные технологии используются масс медиа и преследуют интересы влиятельных людей.

— **Ложная самость, ложные новости, все это выглядит как однокоренные явления. Если вернуться к обучению аналитиков, существует ли какой-то идеальный набор инструментов или их баланс, который бы обеспечивал успешное и полноценное осваивание профессии?**

— Думаю, существует много индивидуально подобранных решений. Я вошла в профессию очень молодой, и это было очень полезно, так как я прошла собственный анализ до того, как стала осваивать его теорию. Это помогло мне избежать той неловкости, которую я часто замечаю у студентов, параллельно изучающих психоанализ и проходящих собственную терапию. Знаете, у меня просто не было возможности сравнивать работу моего аналитика с лекциями в университете и мучиться над обнаруженными несоответствиями. На меня работало то, что делал мой аналитик. Думаю, что многим очень важно знать как можно больше о различных теориях и техниках работы прежде, чем они выберут себе терапевта. И такой подход может оказаться очень эффективным.

Еще я считаю, что богатый жизненный опыт зачастую даже более важен, чем учебные часы. Я знаю многих людей, которые предпочли оставаться вечными подростками,

Нынешние студенты – столь же развитые и умные, как раньше, даже более мотивированные и целеустремленные, однако значительно меньше знакомы с основами психоанализа по сравнению с предыдущими поколениями.

живя вместе с родителями и своими детьми. Или тех, которые строили карьеру в другой области, прежде чем пришли к аналитической. Возраст студентов в психоаналитических институтах сейчас варьируется от 25 до 70 и все потому, что последовательность процессов может быть выстроена в любом порядке. Не думаю, что я могу определить что-то универсально идеальное в этом отношении. По моему опыту, студенты и коллеги единодушны во мнении, что их личный анализ оказался лучшим тренингом. На втором месте стоит качество супервизий. Некоторые из них рассказывали поистине ужасные истории о супервизорах, но те из них, которым повезло со старшими коллегами, называют супервизии вторым по важности компонентом в собственном профессиональном развитии. И только на третьем месте оказывается учебный материал, лекции, семинары. Безусловно, учеба была им интересна, но с точки зрения влияния, которое было оказано на их профессиональную идентичность как аналитиков и терапевтов, личный анализ и супервизии лидировали.

Некоторые студенты считают, что весь психоанализ определен всего лишь одной примитивной процедурой – положить человека на кушетку, рассказать ему о его зависти к пенису и сделать это с особым высокомерием.

— Как хорошо, что Вы затронули тему супервизий. Есть ли у Вас подсказки, как правильно выбрать супервизора, особенно молодому специалисту? Или же нет никаких секретов и стоит полагаться только на собственную интуицию?

— Думаю, молодые специалисты вполне могут сами понять, кто им способен помочь и у кого они смогут действительно чему-то научиться. Я бы доверилась интуиции кандидатов в этом вопросе, они уже достаточно взрослые. Им лучше знать, с кем они хотят работать – с детьми, с подростками, со взрослыми или с пожилыми пациентами. Они, наверняка, могут сказать, какие виды патологий им интереснее – психозы, личностные расстройства, тяжелые неврозы, расстройства пищевого поведения, зависимости или посттравматические состояния. Они выберут супервизора, который будет иметь фокусную специализацию в той или иной области и обязательно заимствуют что-то от его техники, персоны, опыта. Когда я выбирала супервизора, мне было очень важно найти такого, который не пытался бы самоутвердиться за счет унижения женщины. У меня были супервизоры женщины, но большинство все-таки мужчины, занимавшие серьезные, высокие позиции в моем психоаналитическом институте. В 70-х пренебрежительное, надменное отношение к женщинам со стороны мужчин было весьма распространено, и мне приходилось очень аккуратно выбирать себе коллег. Такой была моя личная специфика и особенность того временного контекста, в котором я начинала свою практику. Сейчас, например, я вижу, что студентам очень важно работать с теми, кто не патологизирует различные сексуальные ориентации. Видите, выбор определяется индивидуальными внутренними процессами, но преследует общую цель – интегрировать собственную персону в психоаналитическую рамку и таким образом сформировать профессиональную идентичность. Люди хорошо чувствуют, у кого им хочется учиться. Если на курсе, например,

есть педагог, который вызывает восхищение, возникает большое желание быть таким же как он, он может стать своего рода...

—... идеализированной фигурой?

— Да, без нее никуда. Но неизбежно и обратное – со временем она сменяется деидеализацией, и ваш супервизор или аналитик становится просто человеком. И это правильно, так и должно быть. В противном случае, чем больше идеализируешь, тем больше нагнетается чувство собственной несостоятельности и несоответствия. На каждом этапе формирования идентичности, будь то в 2-3 года на анальной стадии развития по Фрейду или в подростковом возрасте, или в период совершеннолетия, когда ты только начинаешь осваивать новые знания в выбранной профессии или когда ты уже кандидат в аналитики, тебе просто необходим объект для идеализации, с которым ты захочешь идентифицироваться. И он постепенно, со временем, будет утрачивать этот статус, превращаясь в обычного человека со всеми его слабостями и ограничениями, такого же, как и ты сам. Поэтому идеализация необходима и неизбежна, но она разрешима.

— Расскажите, пожалуйста, про свои наиболее важные этапы профессионального становления. Какие объекты идеализации были у Вас?

—Конечно, Теодор Райк, он был первым автором, которого я прочла в далеком 1965 и который рассуждал о разнице полов без предустановки, что женщина является своего рода дефектной версией мужчины. Никогда до него я не встречала такого мнения. Я сама из семьи, где женщины представляли собой очень успешных, уважаемых особ, они были своего рода пионерами для того времени. Например, сестра моего отца училась в первом женском классе, образованном в юридической школе. Раньше я очень переживала, да и до сих пор очень чувствительна к любому рода намекам, что я могла быть недостаточно способной и глубокой для той области, которая во многом считалась мужской. Мне очень импонировал психоанализ в том числе и потому, что он был, наверное, первой дисциплиной, где женщины воспринимались наравне с мужчинами. И не только как практики, но и как теоретики, как ученые. В самом начале своего профессионального пути Фрейд многому научился у Сабины Шпильрейн, а также вдохновил свою дочь стать выдающимся аналитиком. Он был в постоянном научном дискурсе с женщинами-аналитиками того времени. Следующее поколение аналитиков подарило нам Мелани Кляйн и Фриду Фромм-Райхманн. Поэтому психоанализ виделся мне феминистической профессией задолго до возрождения феминизма, хотя тогда я даже термина этого не знала. Для меня это имело огромное значение. И Райк оказался первым автором, который подтвердил мое мнение.

Мы были уверены, что после учебы получим прекрасную работу, не только интересную и востребованную, но и социально значимую, полезную, и это очень вдохновляло нас. Сейчас же я вижу студентов, которые выросли с мыслью, что им нужно получить такую профессию, которая гарантировала бы им выживание, даже если это не совсем то, чем им хотелось бы заниматься.

Человек эволюционно развивался в небольших родовых общинах, теперь же он сравнивает себя не со старейшинами своей общины, но с глянцевыми селебрити, выставляющими себя на всеобщее обозрение в качестве идеала красоты, богатства, влияния, славы.

Мне хотелось бы еще отдельно выделить своего супруга, умершего уже много лет назад. Он был преподавателем в моем университете и оказался первым, кто обратил внимание на мой интерес к человеческой природе, к психике, хотя изначально психология не была моей главной специализацией в университете. И да, он был там преподавателем. Знаете, сейчас это не очень принято, даже воспрещается – выходить замуж за своего научного руководителя, но тогда я была очень самоуверенной и заносчивой в собственном убеждении, что я уже взрослая

и могу все, в том числе и обольстить преподавателя университета, стать его законной женой. Он стал тем человеком, который дал мне первую книгу по психоанализу – это был труд Фрейда «Недовольство культурой». Именно он сказал мне: «Знаешь, для твоей курсовой по политической теории ты звучишь слишком психологически, почему бы тебе не написать эту работу с точки зрения фрейдистской концепции?». Именно так я и поступила. Мой муж оказал на меня огромное влияние, он был блестяще образованным человеком с множеством самых разнообразных интересов, в том числе хорошо разбирался в психоанализе.

Уже оканчивая университет, я находилась под большим впечатлением от Силвана Томкинса. Томкинс – психолог и ученый – первый, кто предположил, что именно аффекты, а вовсе не деструктивные или либидинозные влечения, являются важнейшими факторами понимания природы человека – в силу их первичности и примитивности. Сейчас, с развитием нейробиологии, мы действительно убедились в первичности аффектов. Он, определенно, опередил свое время. Я не писала с ним свою докторскую, но он, безусловно, оказал на меня большое влияние.

Я также очень признательна Джорджу Атвуду, моему дорогому другу и учителю, особенно в понимании важности индивидуальной психодинамики и ее влияния на все остальные теории. Его работа, написанная совместно с Робертом Столороу «Лица в облаке», стала совершенно поворотной, прорывной. Он мог увидеть в истории пациента самое главное зерно и делал это так виртуозно, как никто другой, именно так мне самой хотелось научиться делать.

Мне хотелось бы также поблагодарить Артура Роббинса, моего горячо любимого супервизора, он до сих пор жив. Артур помог мне научиться работать с контртрансфером задолго до того, как супервизоры начали уделять этому процессу должное внимание. Тогда многие считали, что если ты чувствуешь сильные контрпереносные реакции, то это вопрос к твоему личному анализу, который явно нуждается в продолжении. Вместо того, чтобы проанализировать эти чувства с точки зрения пациента и его бессознательных процессов, аналитики относили этот феномен на счет собственной терапевтической непроработанности. Поэтому в моем профессиональном становлении супервизорская работа Артура внесла наибольший вклад после моего личного анализа.

Однако, я не могу не упомянуть свою маму, она была прирожденным психологом. Именно она научила меня с самого раннего детства стараться понимать людей

и размышлять о них. Мама умерла, когда мне было 9 лет. В дальнейшем меня, можно сказать, взяла под крыло одна лесбийская пара, управляющая скаутским лагерем для девочек, куда я ездила каждое лето. Со временем под их руководством я стала вожатой, а потом и директором лагеря. Они сами очень увлекались психологией, читали работы Теодора Райка и пришли в полный восторг, когда узнали, что я собираюсь поступать на психоаналитическую программу и лично встречу с Райком, который на тот момент был еще жив. Эти две женщины оказали на меня большое влияние, они очень способствовали развитию моего умения понимать людей, заложенного мамой. Пребывание в скаутском лагере для девочек только усилило мою уверенность в себе как в полноценной и способной девушке. Как видите, тогда в 50-х, я очень хорошо понимала различия возможностей между мужчиной и женщиной. В американском обществе послевоенного периода устойчиво доминировал стереотип, что девочка не может быть одновременно матерью и профессионалом. Я пыталась всеми силами найти решение, позволяющее совместить домохозяйство и профессиональную реализацию.

— А если бы у Вас была возможность, Вы бы что-нибудь поменяли тогда?

—Нет, ничего существенного. Я вспоминаю, конечно, какие-то неприятные моменты, например, с сертификационным комитетом, который, как мне кажется, откровенно меня третировал, однако, в этом нет ничего страшного, у всех есть такие истории. Я думаю, что период моего профессионального становления был очень удачным, мне невероятно повезло расти и развиваться именно тогда. Наверное, я могу назвать то время самым счастливым: открывались возможности, которые были частью невероятной атмосферы того периода, и я только сейчас могу осознать, насколько уникальными они были; я очень благодарна за это. Сейчас же я вижу студентов, лишенных удовольствия присутствовать на собственном выпускном вечере из-за ограничений пандемии. То, что для меня тогда было естественным и принималось как должное, они просто не могут себе позволить. Думаю, мне не о чем сожалеть. Весь путь меня сопровождали великолепные учителя. В старших классах у меня было два совершенно особенных педагога, которые научили меня четко и ясно излагать мысли в письменном виде. И это умение – разъяснять сложные вещи простым и понятным языком, приобретенное еще в школе, – по факту определило всю мою дальнейшую жизнь.

— Не могу не задать один вопрос, весьма неоднозначный: что Вы думаете о засекреченных архивах Фрейда, почему они до сих пор полностью не обнародованы?

— Досадно, что Анна Фрейд заняла именно такую позицию. Хочется надеяться, что материалы будут полностью открыты еще при моей жизни, но до сих пор очень многое засекречено, и я склонна винить в этом Анну. Я понимаю, что она обожала своего отца и таким образом защищала его, однако...

— А что, как Вы думаете, она так яростно защищает?

— Не знаю, и мы сможем это узнать только, когда архивы будут открыты. Некоторые материалы постепенно становятся

Среди студентов университетов количество людей с серьезными расстройствами личности выше, чем когда-либо. И причина, на мой взгляд, кроется в изменении культурного контекста.

Мы не боялись, что мир может вообще исчезнуть, перестать существовать, потому что закончатся запасы воды, истратятся или уничтожатся все природные ресурсы, атмосфера станет непригодной для жизни.

доступны. Например, один мой знакомый совсем недавно прочитал очень любопытную книгу про маленького Ганса. Фрейд вывел целую теорию о фобиях на основании его предполагаемой эдипальной динамики. А сейчас открыли материалы интервью, взятого у членов семьи Отто Графа и особенно у его матери, которую повсеместно обвиняли во всех неприятностях, случившихся с ее сыном. Эти материалы заставили совсем по-другому взглянуть на нее, представили ее любящей и нежной мамой. А что же тогда случилось с Фрейдом? На самом деле, Фрейд оказывал очень сильное влияние на отца Ганса, внушал ему, что матери не должны проявлять мягкость и нежность к сыновьям; мальчики в этом возрасте, по его мнению, бессознательно путают материнскую ласку с сексуальностью. Когда маленький Ганс испугался лошади, Фрейд проинструктировал его отца ни в коем случае не позволять матери его успокаивать, особенно не пускать Ганса в их постель, ведь именно так детки успокаиваются легче всего. Фрейда очень волновал вопрос «первосцены». И конечно, маленький Ганс, не получая материнского успокоения, начинал тревожиться все сильнее и сильнее. И совсем не потому, что он боялся кастрации. Только теперь, имея полную картину, мы можем понять, где Фрейд неверно оценил ситуацию. И это не говорит о том, что Фрейд был совсем неправ, наоборот, его предположения оказались верными, однако они явно были избыточными и не учитывали должным образом другие элементы психодинамического процесса. И мне так же хотелось бы ознакомиться с другими материалами – для получения более полной картины происходящего тогда. Я восхищаюсь Фрейдом, однако, судя по его собственной психике, думаю, он допустил немало ошибок.

—Возможно, это как раз то, что скрывает Анна и от чего хочет защитить своего отца, от обнажения его ошибок?

— Да, думаю, так и есть. Ей есть кого защищать, помимо своего отца. Фрейд работал с пациентами, которые были очень близкими людьми к его семье, друзьям, его кругу. Берта Паппенгейм, известная как Анна О., оказывается, была близкой подругой его жены. Я не знала этого до момента публикации биографии Марты Фрейд. Думаю, Анна Фрейд может гордиться своими стараниями сберечь доброе имя отца и защитить свою семью, весь свой ближний круг и их детей. Однако этот мир принадлежит уже не им, а их внукам и правнукам, и наука требует достоверности.

—Что бы Вы посоветовали современникам, начинающим психотерапевтам и психоаналитикам?

— Следуйте зову вашего сердца, доверяйте вашей интуиции. Если вы чувствуете, что делаете что-то такое, что вам не свойственно, является для вас чуждым, обращайтесь за помощью. Заведите круг единомышленников, которым вы могли бы показывать свою работу. Хорошие коллеги могут помочь справиться с неминуемым проявлением бессознательных конфликтов. Некоторые пациенты будут действительно очень

тяжелыми и неважно, насколько хорошо подготовлены и проработаны вы сами, этот процесс продолжается постоянно. Отто Кернбергу, как вы знаете, 93 года. Каждую среду он ведет группу со своими коллегами, специалистами по личностным расстройствам, и они представляют друг другу свои случаи, а он свои, так же, как и все остальные. И это совершенно необходимая процедура для всех, работающих с пограничными и другими расстройствами личности – там, где постоянно активизируется собственное бессознательное и терапевты подвергаются садистическим и обесценивающим атакам со стороны пациентов. Только общение с коллегами позволяет восстановить здоровую терапевтическую позицию. Наверное, это и есть мой совет начинающим – никогда не переставайте учиться и обсуждать случаи с коллегами. Но доверяйте себе! Если супервизоры будут вас ругать, что вы повели себя не по правилам, ответили на вопрос, на который нельзя было отвечать, однако вы, будучи там с пациентом, чувствовали, что ваш ответ был просто необходим и без него у вас бы не сложилось безопасного терапевтического альянса с пациентом, доверяйте себе, собственной оценке ситуации. Делитесь с супервизором вашими идеями и старайтесь ничего не скрывать, даже если вы опасаетесь осуждения. Старайтесь быть честными, особенно там, где вы можете расходиться во мнениях, но доверяйте себе. Именно вы были на сессии с пациентом, и именно вы там и тогда могли почувствовать, что ему действительно нужно.

К сожалению, вынуждена согласиться, тенденция пограничного, а также нарциссического функционирования существенно усиливается в современном обществе.

— **Благодарю за прекрасные советы! Уверена, многим начинающим аналитикам очень важно их услышать. Доверие себе и своему супервизору – необходимые составляющие успешного профессионального развития и, чаще всего, именно здесь молодой специалист сталкивается со страхами и сомнениями.**

— Моя недавно вышедшая книга как раз посвящена супервизиям, и в ней я подробно рассматриваю вопрос, почему так важно избегать менторской и авторитарной тональности на супервизионных сессиях. Каким бы молодым ни был начинающий терапевт, он все равно взрослый человек, зачастую знающий и чувствующий больше, чем нам может казаться. Наша задача – помочь ему сформировать свое собственное профессиональное Я, а не научить подчиняться диктату сверхтребовательного супервизора.

— **Да, именно поэтому я задала вопрос о том, как правильно выбрать супервизора. Действительно именно работа с супервизором, его личность и профессиональная рамка во многом определит профессиональный стиль начинающего терапевта. Супервизор выступает своего рода переводчиком, мостом между теоретическими знаниями специалиста и его реальными пациентами.**

— Мне кажется, в России вы сейчас проходите такой этап развития психоанализа и психотерапии, который был у нас в 50-60-х. Можно сказать, что Вы заново открываете для себя эту область после советского периода. И с этой перспективы рынок видится довольно молодым, в процессе своего формирования. В этом смысле ваш этап схож

с американским 50-60-х. В те годы в Америке было много супервизоров, стремящихся представлять один, единственно верный, по их мнению, метод анализа. Они очень строго придерживались выбранного направления и старались быть их образцовыми представителями – настоящими фрейдистами или истинными кляйнианцами. В этом случае супервизии сводились больше к интеграции теории и практики конкретного психоаналитического направления, нежели к пониманию особенностей специалиста и формирования его индивидуальной профессиональной идентичности. Однако со временем, в процессе развития психоанализа и психотерапии таких жестких адептов становилось все меньше. Возможно, вы переживаете сейчас нечто подобное.

— Да, российский институт психоанализа и психотерапии в широком понимании можно действительно отнести к развивающейся отрасли. Мы еще в процессе выработки единых стандартов профессии – как образовательных, так и относящихся непосредственно к практике. Сейчас мы наблюдаем высокую востребованность этой сферы услуг среди населения, запрос растет с каждым годом, однако рынок очень неоднородный и не унифицирован общими операционными подходами. Нам еще предстоит это сформировать. И молодому специалисту, равно как и пациенту, довольно сложно в этом ориентироваться.

— Да, я очень хорошо это понимаю. В Америке именно по этим же причинам пытались ввести правило, что только медики могут становиться психоаналитиками. Таким образом они пытались структурировать рынок и избежать хаотичного раскачивания отрасли. Хотя это был довольно авторитарный подход к упорядочиванию.

— Видимо, это другая крайность процесса. Однако растущий запрос на психотерапию и ее популяризация в том числе с помощью соцсетей на фоне отсутствия единой регуляторной политики отрасли приводит к появлению большого числа дилетантов, непрофессионалов. Человеку, который, наконец, набрался смелости и решился обратиться за помощью, очень сложно сделать правильный выбор. Так же и студент, и начинающий специалист испытывает замешательство и сильную неуверенность в выборе учебного заведения или при старте собственной практики – вся поддерживающая и наставническая база в основном собрана вокруг профессиональных сообществ, однако общей, прозрачной картины отрасли и ее конъюнктуры в явном виде нет. Во многом поэтому мы задаем нашим авторитетным гостям вопрос про идеальный баланс или, так сказать, универсальный набор образовательно-практических инструментов, необходимых молодому специалисту.

Мне, например, совершенно непонятно, чего ждать в будущем от искусственного интеллекта, и это, признаюсь, пугает меня.
Мне хотелось бы донести мысль, что в традиционно организованном обществе все общались друг с другом вживую, по-настоящему, и у человека просто не было столько возможностей «перепридумать» себя

Мне очень понравилась фраза, сказанная Вами в книге «Психоаналитическая диагностика», настольной для любого терапевта, Вы говорите, если я не ошибаюсь, что для Вас гораздо важнее оказаться педагогически полезной, чем просто правой или корректной в изложении той или иной теории.

— Да, все верно, я так и сказала

— И это то, что нужно нам здесь и сейчас – вот эта полезность, утилитарность знаний, если хотите.

— Да, это очень интересно. Я сейчас представила, как кто-то обратится за помощью к кому-то, называющему себя психоаналитиком, а по факту, получившему о психоанализе очень слабое представление, плохо подготовленному. Знаете, здесь всегда будет большое напряжение между желанием все упорядочить, бюрократизировать и просто пустить на самотек. Первое поколение аналитиков, как вы помните, работали совсем без каких-либо строго установленных правил. Анна Фрейд ездила в отпуск со своим анализантом Эриком Эриксоном. У них не было никаких границ: они заводили отношения друг с другом, спали со своими пациентами. Возможно, это – еще одна причина, по которой Анна не хочет открывать архив. Нам пришлось самим узнать про эти границы, установить их, оценить силу переносных и контрпереносных процессов, осознать свои роли и не спутывать, не совмещать их.

Безграничность цифрового пространства и его возможностей в современном мире позволяет беспрепятственно конструировать любые формы идентичности, ложные и искаженные в том числе.

— А каким, как Вы думаете, будет психоанализ будущего?

— О, я могу поделиться лишь своими надеждами, не ожиданиями. Иногда я очень пессимистично смотрю на это будущее. В Америке фармацевтические компании настаивают, что все должно лечиться с помощью лекарственных препаратов, для них это прямой источник дохода. Страховые компании, в свою очередь, настаивают на самых коротких курсах терапии, которые могут лишь временно устранить симптомы, так как они не хотят платить за долгосрочную терапию. Некоторые ученые, заинтересованные в дискредитации психоаналитических традиций, утверждают, что единственной основой терапии должна быть «доказательная медицина», что совсем не соотносится с реальной практикой, реальными пациентами. Это давление очень сильное и иногда я сомневаюсь в будущем психоанализа. А иногда мне кажется, что он все-таки выживет, но перестанет играть значимую роль в области психического здоровья. Но, с другой стороны, я совсем в этом не уверена, так как вижу в США и другие признаки, говорящие о тенденции к возрождению. Однако, в моих самых пессимистических сценариях я уговариваю себя, что мы все равно выживем, даже не оставаясь в авангарде терапевтической индустрии, а скорее, где-то на ее задворках, но выживем. Потому что мы все равно помогаем людям, и они это знают, они рекомендуют нас своим знакомым и друзьям, и мы помогаем им тоже. Люди отлично чувствуют разницу между чутким, принимающим слушателем и формальным протоколистом. Поэтому я верю, что психоанализ будет жить.

Думаю, Анна Фрейд может гордиться своими стараниями сберечь доброе имя отца и защитить свою семью, весь свой ближний круг и их детей. Однако этот мир принадлежит уже не им, а их внукам и правнукам, и наука требует достоверности.

Что должно происходить, так это большее сближение психоанализа с научной базой университетов, их исследовательскими инициативами, более плотная интеграция психоанализа в другие научные сферы. На самом деле таких сфер очень много – сравнительное литературоведение, философия, теология, антропология, социология, политология. Чем больше междисциплинарных связей и сообществ мы сможем создать, тем лучше. Мне кажется, Международная Ассоциация Психоанализа движется в этом направлении.

Мне бы хотелось большего вовлечения психоанализа в лечение тяжелых расстройств психотического спектра; такие пациенты, безусловно, нуждаются в медикаментозном лечении, но и психотерапия им тоже очень нужна. То есть я бы хотела видеть психоанализ в меньшей степени как некую технику, но, скорее, как базу знаний, из которой каждый мог бы подчерпнуть свое, даже в отсутствии специальной психоаналитической подготовки. Психоаналитическое образование является лучшей основой для любой психологически-ориентированной терапии.

Когда-то американские психоаналитики были строгими приверженцами классического метода – несколько сессий в неделю на кушетке. Но этот метод подходит только высокоорганизованным личностям или же самим аналитикам, желающим на собственном опыте ощутить всю глубину воздействия. Но для многих людей классический метод не является оптимальным, он способствует слишком глубокой регрессии, не подходящей, а иногда просто недопустимой для некоторых пациентов. Например, для людей с пограничной динамикой, с посттравматическими стрессовыми расстройствами, с психотическими эпизодами. Для таких пациентов частота встреч и интенсивность воздействия окажется слишком избыточной. Для них есть более эффективные методы, куда, однако, могут быть вплетены элементы психоаналитической техники. Я в целом с недоверием отношусь к специалистам, заявляющим, что они, наконец, нашли метод, подходящий любому. Мне ближе более скромная оценка собственных способностей и возможностей метода, и я бы ожидала от психоаналитиков большей взвешенности в понимании ограничений классического метода и большей гибкости в адаптации психоанализа к максимально широкому спектру пациентов.

Тебе просто необходим объект для идеализации, с которым ты захочешь идентифицироваться. И он постепенно, со временем, будет утрачивать этот статус, превращаясь в обычного человека со всеми его слабостями и ограничениями, такого же, как и ты сам. Поэтому идеализация необходима и неизбежна, но она разрешима.

Томкинс – психолог и ученый – первый, кто предположил, что именно аффекты, а вовсе не деструктивные или либидинозные влечения, являются важнейшими факторами понимания природы человека – в силу их первичности и примитивности. Он, определенно, опередил свое время.

— **А что Вы думаете о взаимодействии психоанализа и нейробиологии?**

— О нейропсихоанализе? Я очень большая поклонница этого направления. С Яком Панксемпом я даже дружна, его работы я нахожу очень важными. Также меня очень увлекла новая книга Марка Солмса. Думаю, Фрейд предполагал, что со временем мы будем стремиться к нейробиологическому объяснению. И это правильно. Если бы я начинала свою карьеру сегодня, я бы изучала психоанализ наряду с нейропсихологией. Нейропсихоанализ показал нам, что некоторые изначальные идеи были не совсем верными. Например, идея, что забытая травма всегда представляет собой вытесненное бессознательное. Некоторые травмы не остаются в памяти просто потому, что во время травматичного переживания выделяется глюкокортикоидный гормон, который может перекрыть гиппокампов канал, и в результате мнемический след памяти просто не образуется. Таким образом, вытесненного может и не быть, и искать его бесполезно. То есть воспоминание в таком случае не будет представлять собой конкретный забытый, то есть вытесненный в бессознательное эпизод, но он отложится где-то на соматическом контуре или в аффективной зоне. Нейропсихоанализ позволяет выявить такие несоответствия и уточнить некоторые базовые идеи, объяснить их или дополнить, но немного другим языком – нейробиологическим. Мне бы хотелось, чтобы психоаналитики в будущем свободно владели обоими языками.

— **Нэнси, я очень признательна Вам за уделенное время, за эту увлекательную и очень познавательную беседу. Уверена, наши читатели найдут для себя в ней очень много полезного. Редакция журнала «Пространство Психоанализа и Психотерапии» очень благодарна Вам за поддержку и содействие в популяризации психоанализа в России. Уверена, вместе мы создаем профессиональное, созидательное, творческое и во всех смыслах терапевтическое пространство – как для начинающих специалистов, так и для всех, интересующихся вопросами психического здоровья и саморазвития.**

— Замечательно, спасибо!

Беседовала Тармогина Т.А.

На границе двух миров

Шишкина Татьяна Игоревна

- Психолог
- Член ЕАРПП

Глухота – большая часть моей идентичности, более того, я из семьи глухих родителей, таким образом, я – абсолютная часть мира глухих, вместе с тем успешно интегрированная и в мир слышащих. В моей жизни была цель – стать также полноценным членом и общества слышащих. Я хочу поделиться своим опытом, с чего я начала свой новый профессиональный путь, как я набираю текущий опыт, и что содержится в моих дальнейших планах, связанных с профессиональным становлением.

Мое первое высшее образование экономическое, и уже 23 года я работаю в должности главного бухгалтера в слышащем коллективе. Свободное владение голосовой речью и слухо-зрительное восприятие речи посредством чтения с губ слышащих позволяет вполне комфортно сотрудничать с коллегами, решать рабочие вопросы, например, с налоговыми инспекторами, контрагентами компании, в которой я работаю, и в общении со слышащими людьми вообще.

Я знаю и понимаю оба мира – глухих и слышащих – и могу быть не только переводчиком, но и помогать глухим получать психологическую помощь, которой катастрофически не хватает в нашей стране. Именно поэтому я выбрала вторую профессию – психолога. Вопрос, какое направление психологии избрать, решился спонтанно – психоанализ. Почему? Интуитивно четко сформировался ответ: родной для глухих людей жестовый язык и область бессознательно-го находятся в прямой и очень тесной связке. Так я выбрала МИП (Московский Институт Психоанализа). Меня привлекли сильные преподаватели, удобная дистанционная форма обучения и сама магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое консультирование». И началась серьезная, очень непростая и невероятно интересная учеба. Мне очень повезло найти чуткого и профессионального научного руководителя. Вместе с моим наставником мы сразу определились с темой магистерской диссертации «Особенности психоаналитического консультирования глухих и слабослышащих людей». Работа новаторская для российского психоанализа.

После защиты диплома мне снова улыбнулась большая удача – понравиться тренинг-аналитику ЕАРПП, и я высоко ценю нашу текущую интенсивную совместную работу в глубоком познании себя в личном анализе. Очень отрадно, что в меня поверили профессионалы и дали рекомендации для того, чтобы стать членом ЕАРПП.

Эмпирическая часть учебы стала тем самым важным трамплином, который обозначил ориентиры и стиль моей работы с клиентами. Я всегда замечала, как охотно перенимают мои слова и выражения другие люди, и со временем научилась в нужный момент подсказывать рассказчику то самое слово, в которое он тщетно пытается облечь свои мысли или чувства. В процессе консультирования глухих клиентов и сбора материалов для эмпирического исследования удалось выявить несколько важных особенностей. Прежде всего, у глухих и слабослышащих клиентов в работе со мной есть возможность общаться на родном для нашего мира глухих языке – жестовом. Для слышащих это – один язык, на самом деле, жестовый язык дифференцирован на две формы: калькирующая жестовая речь (КЖР) и разговорный жестовый язык (РЖЯ). Первая передает информацию в полном соответствии с русским словесным языком, вторая же форма – самая предпочитаемая и почитаемая глухим сообществом, абсолютно самобытный язык со своей собственной лексикой и грамматикой. Сложность заключается в том, что темы о психологии, психоанализе изобилуют огромным количеством научной терминологии, которой спокойно пользуются слышащие психологи. Мне необходимо включать больше воображения и преподносить на разговорном жестовом языке значения слов так, чтобы глухому слушателю было, что называется, вкусно. И это отличнейшая для меня школа! Разговорный жестовый язык не схож с калькирующей жестовой речью, это – другой язык, где все мысли, чувства и эмоции выражаются посредством рук и мимики лица, это – чисто творческий язык, с каждым разом обогащающийся новыми формами жестов. Там, где творчество, там правит бал бессознательное. Это – исключительный, и, пожалуй, основной предмет для исследования. Необходимо постоянно собирать серьезную эмпирическую базу и затем анализировать наблюдения, формулировать выводы с точки зрения психоанализа. Вместе с тем постепенный сбор материалов клинических случаев на основе текущих и предстоящих психоаналитических консультаций с глухими

Я – абсолютная часть мира глухих,
успешно интегрированная и в мир
слышащих

и слышащими клиентами также дает уникальную возможность выявлять специфические феномены, которые можно описать и объяснить в психоаналитическом ключе.

Большим для меня подспорьем стал монументальный научный труд глухого американского доктора наук, клинического психолога, профессора психологии Галлодетского университета в США Айрин Ли под названием «Психотерапия глухих клиентов разных групп». Книга на английском языке, специально по моему заказу привезенная из Америки. Из книги я черпаю много полезной информации, готовлю и выкладываю посты и ролики, чтобы делиться с российским сообществом глухих ценной информацией о достижениях американских глухих психологов, их разработках в подходах для психотерапии глухих клиентов. В социальной сети Инстаграм я начала выкладывать посты и ролики на русском жестовом языке. Это весьма нелёгкая задача: тщательно продумывать темы, готовить тексты и к ним адаптировать изложение на жестовом языке доступно, интересно, чтобы подписчики ожидали следующие ролики. Как правило, в получасовом ролике удается раскрыть тему, привлечь внимание подписчиков и объяснить важность психологии и психотерапии.

Таким образом, ко мне постепенно стали обращаться глухие и слабослышащие клиенты с разными запросами. Значимые проблемы глухих клиентов: болезненные взаимоотношения с собственными слышащими родителями, высокая нарциссическая сензитивность самовосприятия и отношения со стороны слышащего общества.

Консультирую клиентов как очно в арендованном кабинете, так и в онлайн-режиме. В последнее время со мной работают клиенты, которые осознали, что однократной встречи недостаточно, и нацелены на регулярные консультации, что меня очень воодушевляет. Пример: взрослый глухой клиент. Мы с ним выяснили, что причина его психологической проблемы, которая доставляла ему душевные муки в течение длительного периода времени – в неполноценной коммуникации с самого детства. А именно: невозможности в полной мере пользоваться родным жестовым языком и получать такую же обратную связь. Нет, он не был лишен заботы в детстве, и смог создать дружную семью, где он опять был единственным глухим. За него всегда все решали, сначала родители, затем супруга: устройство на работу, оформление каких-либо документов. Отсюда неуверенность в себе, страх самому контактировать со слышащими людьми, постоянное уклонение от попыток отстаивать собственное мнение и не доставлять дискомфорт близким, безропотное подчинение и выполнение любых поручений, исходящих от родителей, которые никогда не интересовались, чего он бы хотел для себя.

Он ощущал конфликт между очень жестким Сверх-Я и истинными порывами стать свободным, сильным и не боящимся разочарований. Очень интересно было наблюдать за динамикой обретения им желанной уверенности в себе. Самый богатый источник материала в нашей с ним работе – его яркие и удивительные по содержанию сновидения. В начале терапии его сны ассоциировались с метафорическим туннелем, это – либо темный бескрайний коридор, либо круглое отверстие в земле, дна которому не видно, и его настигал холодный ужас, когда он оказывался у этого места. И здесь сны всегда обрывались. Затем пошли сны, где он отчаянно что-то искал и подходил к людям. Последние сны окрашены в яркие цвета – голубой, желтый, зеленый, красный – лица людей приветливые, контакты с ними доставляют ему удовольствие! Как метко заметил мой супервизор, он словно был еще в утробе матери и очень боялся прохождения через лоно матери наружу. Вырвавшись на свет, он долгое время был как ребенок с ногами-лотосами, он учился опираться на самого себя, находить надежную почву под ногами. У клиента

очень развито самонаблюдение, ему нравятся происходящие в его душе изменения, он подчеркивает, что регулярные консультации приносят плоды, и намерен продолжать терапию.

Новое направление моей работы – психоаналитическое консультирование слышащих родителей, имеющих глухих детей. Они обращаются с запросами, связанными с проблемами в коммуникации с глухими детьми, глубокими переживаниями из-за

того, что их взрослые глухие дети не адаптированы к социуму. Примером может послужить еще одна клиническая виньетка: взрослая глухая клиентка из семьи слышащих с нарушениями интеллектуального развития. Запрос – определение истинной причины ее бурных негативных реакций на незначительные события, которые зачастую не имеют отношения к ней самой и ее семье, агрессия к слышащим родителям. Низкий интеллект клиентки и ее очень своеобразный жестовый язык создавали трудности в терапии. Первой задачей было постижение ее языка как такового, после чего удалось наладить обратную связь и продвигаться к установлению полного доверия терапевту и укреплению хороших взаимоотношений с ее собственными гиперопекающими родителями. В дальнейшем планируется помочь ей выразить свои чувства, найти в себе скрытые резервы, которые могут существенно улучшить качество ее жизни.

Также я консультирую слышащих людей из семей глухих, у которых проблемы во взаимодействии с глухими родителями, что очень расстраивает обе стороны, поэтому полезна в таких случаях семейная терапия, которая дает возможность видеть полную картину существующей проблемы и предлагать пути ее решения.

Необходимая часть моей практической деятельности – супервизия. Я высоко ценю сотрудничество с супервизором ЕАРПП, которая с большим интересом отнеслась к моему уникальному опыту и демонстрирует яркую, объемную и глубокую супервизию, в которой я многое для себя открываю и применяю в работе с клиентами.

Для меня важно и регулярное участие в Балинговской группе, где собираются профессиональные психоаналитики и делятся разными случаями из практики, обсуждение протекает интенсивно, эмоционально и с юмором. Я благодарна руководителю группы и постоянным участникам за возможность пользоваться приложением в мобильном телефоне, позволяющем преобразовывать речь в текст, ибо я в силу своего сильного ограничения по слуху не успеваю считывать с губ информацию участников, которые порой очень эмоционально вовлекаются в рассуждения. Конечно, приложение не столь совершенное, но все же – важный помощник.

Совершенно очевидно, что поддержка заинтересованных профессионалов из психоаналитического сообщества, самого Общества глухих в понимании социальной значимости моей деятельности, непрерывный личный анализ, регулярные супервизии, прослушивание лекций, семинаров, штудирование публикаций, интерес к новым психоаналитическим трудам вместе с настольными книгами Фрейда, Кернберга, Кохута, Мак-Вильямс, Балинта и других тяжеловесов из мира психоанализа, к которым постоянно возвращаешься и обнаруживаешь новое понимание смысла их теорий и практических выводов, неугасаемое желание и умение окунуться в чувственное психоаналитическое поле вместе с клиентами и есть ключевые опоры для моего профессионального роста.

Родной для глухих людей
жестовый язык и область
бессознательного находятся
в прямой и очень тесной связке.

СОБЫТИЯ

XIV Зимняя школа в Екатеринбурге была посвящена неисчерпаемой теме нарциссизма. По традиции – страстно, проникновенно звучали доклады, дискуссиям не хватало времени, участники «рвались на части», потому что хотелось успеть побывать одновременно в нескольких секциях – увидеть и услышать все. Доклады, мастер-классы, дискуссии шли в трех параллелях. Редакционная коллегия провела круглый стол, на котором обсуждалось развитие и будущее нашего журнала.

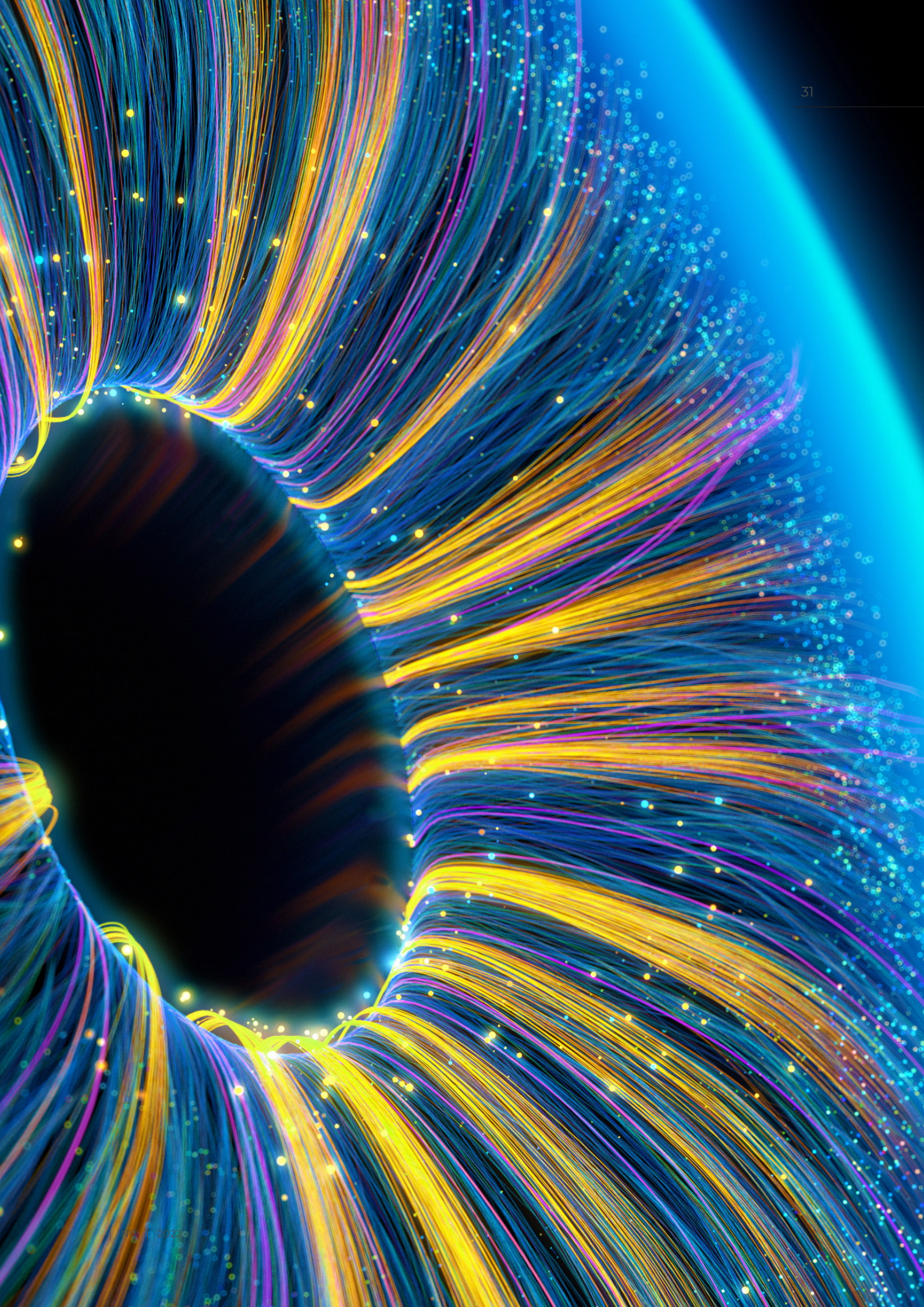
Тем, кто не смог побывать на Зимней школе, предлагаем «заглянуть» в несколько залов и погрузиться в творческую атмосферу нашей традиционной Международной конференции ЕАРПП.

Общество потребления прямо и опосредованно формирует все большее количество людей с тяжелой личностной патологией, а они затем формируют общество потребления – и замыкается порочный круг. О ловушках современного общества потребления читайте в статье Г. Гридаевой.

Интересная точка зрения об истории Иисуса как о варианте ненарушенного, нормального развития изложена в статье Н. Сухой, посвященной дискуссии об истории Рождества. Вера в Бога, смирение с Его волей дают возможность здорового внутриутробного развития. На психоаналитическом языке это означает отказ от всемогущества, здоровый нарциссизм, надежный тип привязанности, базовое доверие к миру и принятие своей человеческой природы, в первую очередь – своей смертности.

О последствиях провала контейнирования значимым объектом, формировании «внутреннего диверсанта» размышляет С.Терехина

О Нарциссе и Эхо, как паре, об Аналитике и Пациенте, как паре, — вдохновенная музыкальная композиция Васильевой по мотивом доклада Эдварда Роудза.

Три грани всемогущества

ВСЕМОГУЩЕСТВО И НАРЦИССИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Гридаева Галина Витальевна

- Врач-психотерапевт, психоаналитик
- Специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления ЕАРПП
- Заместитель председателя РО-Самара (ЕАРПП)
- Руководитель Центра Современного Психоанализа (Самара)
- Заместитель председателя Самарского Психоаналитического Общества

Во время работы в своих психоаналитических кабинетах и центрах, мы можем наблюдать тенденцию к утяжелению психической патологии пациентов, которые обращаются к нам за помощью. Пациенты с пограничным и психотическим уровнем функционирования, с нарциссическими расстройствами, с проблемами формирования идентичности на сегодняшний день составляют большую часть наших пациентов. Редкий невротик долетит до психоаналитика. Таким образом, мы имеем дело с патоморфозом психических расстройств. Почему это происходит? Возможно, мы научились диагностировать тяжелую психическую патологию и помогать этим пациентам. Но есть еще причины, которые нужно рассматривать комплексно; о двух из них я бы хотела сегодня поговорить. Это прямое, непосредственное влияние общества на нарциссическую

Каждое общественное устройство создает характеры, в которых оно нуждается, чтобы поддерживать свою прочность.

регуляцию отдельного человека, и опосредованное влияние – через трансформацию института семьи.

«Определенному общественному устройству в целом соответствуют определенные психические структуры людей, или, выражаясь иначе, каждое общественное устройство создает характеры, в которых оно нуждается, чтобы поддерживать свою прочность. Социально-экономическая структура общества влияет на формирование характера его членов не непосредственно, а очень сложным окольным путем: она обеспечивает определенные формы семьи Тем самым можно сказать: структура характера представляет собой застывший социологический процесс определенной эпохи». (Вильгельм Райх, 1933)

Сравнительно недавно мы жили в патриархальном обществе с викторианской моралью и запретом на сексуальность. Это общество сформировало своеобразный тип семьи – патриархальную семью, в которой были определенные отношения между членами семьи, и у подрастающих детей формировались определенные структуры характера и соответственно, специфическая психопатология. Сегодня мы живем в другом обществе – в обществе потребления, пронизанном идеями всемогущества и бессмертия. Современная семья и отношения внутри семьи существенно отличаются от патриархальной, и в современной семье воспитываются и вырастают другие дети. Часть этих детей, подрастая, приходит к нам за психотерапевтической помощью, и мы можем наблюдать иную психопатологию. Цель моего сегодняшнего сообщения – показать, что увеличе-

И, как любую нормально работающую систему в нашем организме, мы склонны не замечать систему нарциссической регуляции до тех пор, пока она не дает сбой, точно так же, как мы не замечаем хорошо работающее сердце или почки.

ние и утяжеление пограничной и нарциссической патологии (которое мы наблюдаем в своих кабинетах) находится в причинно-следственной связи с социальными изменениями в современном обществе.

Для начала несколько слов о нарциссической регуляции. Чувство собственной ценности и поддержание самоуважения важны для любого человека. Всем нам хочется чувствовать удовлетворение от собственной личности, и мы для этого что-то делаем – выступаем на конференциях, защищаем диссертации, соблазняем девушек, покупаем самолеты и т. д. Большинству людей не очень нравится, когда их критикуют, и, конечно, нам приятно, когда нас одобряют и хвалят. И также для большинства людей критика в их адрес не становится трагедией, и они могут пережить какое-то время без одобрения со стороны значимых других. Тогда мы можем говорить о том, что человек поддерживает самоуважение и чувство собственной ценности автономно, без «подпитки» извне. Т. е. его система нарциссической регуляции работает достаточно хорошо и справляется. Упрощенно это можно сравнить с источником резервного автономного электропитания, которым можно пользоваться, когда электричество в сети отключено. Так несколькими штрихами весьма условно я обрисовала то, что называется «нормальным

нарциссизмом». И, как любую нормально работающую систему в нашем организме, мы склонны не замечать систему нарциссической регуляции до тех пор, пока она не дает сбой, точно так же, как мы не замечаем хорошо работающее сердце или почки.

На мой взгляд, мы сейчас наблюдаем столкновение двух тектонических плит: ИЛЛЮЗИЯ ВСЕМОГУЩЕСТВА, с одной стороны, и ВНЕЗАПНЫЕ ВСЕМИРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, с другой стороны. Пандемия коронавирусной инфекции нанесла очень мощный удар в первую очередь по нашей иллюзии всемогущества и логике безлимитности, в которой мы пребывали последние годы. Мы внезапно столкнулись с огромным количеством ограничений, часть из которых вполне конкретна и очевидна, другая же часть ограничений весьма спорна, непонятна, надумана и субъективна. Мы не можем свободно перемещаться, так как раньше. Мы столкнулись с тем, что мы можем болеть, умирать, испытывать беспомощность и растерянность. Иллюзия всемогущества разбивается от столкновения со смертью, болезнью, необратимостью. Нам очень сложно разобраться в том, что происходит. И, как во время землетрясения, разные люди видят совершенно разную картину происходящего. Кого-то завалило ограничениями, кто-то вскарабкался на обломки своего всемогущества и пытается удерживаться на них, кто-то провалился в подвал беспомощности, а кто-то оказался чуть в стороне от эпицентра, и его жизнь тряхнуло несильно. Многие из нас мечутся между двух крайностей – всемогущество и беспомощность, и нам сложно понять границы своего «могущества», разобраться, что мы можем, а чего мы не можем и с этим нужно смириться.

Сегодня нарциссическая регуляция каждого человека испытывает максимальные перегрузки.

От иллюзии всемогущества отказаться очень сложно, слишком сильно искушение и слишком тревожно без этой мощной защиты. Тем более, что идеи и желание всемогущества пронизывают практически все сферы нашей жизни.

Технический и научный прогресс сегодня делает невозможное возможным: мы имеем то, о чем наши предки могли только мечтать. Мы летаем на коврах-самолетах, у нас есть сапоги-скороходы мощностью в сотни лошадиных сил, нам доступна скатерть-самобранка (доставка еды на дом) и волшебная кредитная карта, с помощью которой можно наколдовать почти все, что нам угодно. Это здорово, и очень облегчает жизнь, но все эти замечательные достижения очень плавно и незаметно встраиваются в наше внутреннее пространство. Мы привыкаем повелевать вещами, пространством и временем, забывая об ограниченности наших возможностей, и попадаем в такую соблазнительную иллюзию всемогущества. Происходит стирание границ – временных, пространственных, границ между нами и нашими вещами. Вещи становятся нашим нарциссическим расширением, и мы без машины, как без рук. Лучшее всего символизирует всемогущество мобильный телефон. Мобильный телефон магическим образом отменяет пространство и время. С его помощью можно позвонить на другой конец света, поддерживать связь с физически недоступными объектами, отрицая расстояние, разлуку и преодолевая естественные преграды одним нажатием клавиши. С помощью мобильного телефона можно поддерживать постоянную иллюзорную связь со всем миром.

Сегодня нарциссическая регуляция каждого человека испытывает максимальные перегрузки.

Мобильные устройства объединены с компьютерами, и мы можем почти все, что угодно – читать книгу, слушать музыку, зависать в социальных сетях, вести ежедневные заметки. Мобильник берет на себя функцию нашей памяти – он напоминает нам о днях рождения, о планах на день, о том, как выглядят наши близкие люди. Зачем запоминать, если в любую секунду можно посмотреть фото? С помощью этой волшебной палочки можно справляться с чувством одиночества, с тревогой, заполнять душевную пустоту, поддерживать постоянство объекта, контролировать своих близких, убивать людей (символически, конечно, внося их в черный список), конкурировать, демонстрировать свою независимость и отдельность. Т.е. можно решать огромный спектр психических задач (оральных, анальных и фаллических), удовлетворять разные потребности прямо здесь и сейчас. Мобильник каждый день посылает нам сообщение – границ не существует. Но, как и в волшебных сказках, есть цена, которую нужно заплатить за владение этим волшебным предметом. Она огромна: мы перестаем думать, и делаем что-то гораздо быстрее, чем успеваем осмыслить – что мы делаем и зачем. Таким образом, мы из Человека Разумного (Homo Sapiens) очень незаметно становимся Человеком Всемогущим (Homo Omnipotent).

Мы сейчас наблюдаем столкновение двух тектонических плит: иллюзия всемогущества, с одной стороны, и внезапные всемирные ограничения, с другой стороны.

Парадоксальным образом всемогущество воспринимается нами не как чудо, а как естественное, само собой разумеющееся, а естественные ограничения, наоборот, становятся чем-то невероятным, сверхъестественным. И когда мы вдруг наталкиваемся на какую-то границу, лимит, мы испытываем невероятную фрустрацию – «кончились деньги на телефоне», «вырубился интернет».

Еще одна особенность современного общества – атака на коммуникацию. В прямом смысле слова – атака на живую коммуникацию, мы все меньше общаемся друг с другом непосредственно, лично. А любовь не передается через гаджеты и смайлы, для этого нужны живые люди. В более широком смысле – как атака на ментализацию, осмысление и символизацию опыта и полученной информации. Вместо осмысления все чаще мы наблюдаем отреагирование в действии, пространство между стимулом и реакцией становится все меньше. Как пример – рекламный лозунг «Не думай, купи».

Мы можем наблюдать в современном обществе запрет на горевание и траур. Самая важная граница – это смерть. Современные молодые люди могут не сталкиваться с реальностью смерти до 25-30 лет, не видеть мертвого тела, не видеть похорон. Мы не носим траур, у нас не принято говорить о том, что мы горюем о близких, сразу после похорон мы выходим на работу – т.е. мы видим отказ от ритуала траура, горящий человек не принимается социумом. И одновременно с этим сейчас мы постоянно видим сводки и статистику умерших и заболевших – когда включаем интернет, когда слушаем радио в машине. То есть тема смерти звучит очень громко, но ритуал как способ обращения с потерей и общепринятая традиция – потерян. И каждый из нас вынужден

изобретать велосипед заново... Как и где делать работу горя? Разве только в кабинете у психоаналитика...

Современная медицина – еще одна область, где в последние годы ярко звучали идеи всемогущества и бессмертия. И именно медицина и система здравоохранения находятся сейчас в эпицентре землетрясения, прямо между двумя сталкивающимися тектоническими плитами. Болезнь и старение воспринимались и многими до сих пор воспринимаются не как естественная часть жизни, а как то, чего быть не должно. Здоровье, наоборот, воспринимается не как дар и счастье, но как право или даже требование никогда не болеть и никогда не умирать. Современная женщина может отменить менструацию с помощью гормональных препаратов. Можно поменять тазобедренный сустав на титановый, поставить кардиостимулятор и регулировать биение сердца и т.д. Мы изобретаем технологии ЭКО, и тем самым берем на себя функции Создателя. Формируется иллюзия вечной прекрасной жизни, не омраченной менструацией, болезнями, старением и возможностью смерти. Я не хочу сказать, что не нужно лечить болезни, бороться за жизнь, что нужно запретить реанимацию и т. д. Ни в коем случае. Однако, темп прогресса в области медицины в последние годы намного опережал нашу способность осмысливать значение и психологические последствия сделанных открытий, которые реально меняли нашу жизнь. Я хочу сказать, что современные медицинские достижения, при их безусловной важности и полезности, вмешиваются в такие тонкие вопросы жизни и смерти, что возникла иллюзия, будто этими процессами можно управлять. А это не так. И когда пришла пандемия, то первой рухнула не реальная система здравоохранения, рухнула эта иллюзия.

Общество потребления – это общество дефицита, а не конфликта. Это мир, где расщепление и отрицание являются нормой. Во-первых, постоянно потреблять может только тот человек, который испытывает постоянный дефицит, нехватку, но при этом хочет получить все. Поэтому ощущение нехватки, постоянной гонки за идеалом и совершенством эксплуатируется самыми разными способами. Поэтому обществу потребления очень удобны и выгодны люди с нарциссической патологией – их можно легко использовать. Реклама со своими слоганами: «будущее зависит от тебя», «управляй мечтой», «не думай – купи» эксплуатирует архаичное желание всемогущества, отрицает принцип реальности. И следом за таким рекламным роликом мы видим новостной сюжет о катастрофе или теракте, который несет прямо противоположное послание – никаким будущим мы не управляем. Может ли психический аппарат воспринять два прямо противоположных послания, не опираясь на расщепление? Расщепление как основной механизм защиты в современном мире становится просто необходимым, на мой взгляд.

Еще один аспект трансформации психической структуры под влиянием современного общества – это исчезновение понятия о чести. Душевная патология, возникавшая в патриархальном обществе, чаще всего являлась патологией конфликта. Интернализованные понятия о чести (зрелый Эго-идеал как часть зрелого Супер-Эго) помогает

Мы привыкаем повелевать вещами, пространством и временем, забывая об ограниченности наших возможностей, и попадаем в такую соблазнительную иллюзию всемогущества.

Парадоксальным образом всемогущество воспринимается нами не как чудо, а как естественное, само собой разумеющееся, а естественные ограничения, наоборот, становятся чем-то невероятным, сверхъестественным

регулировать самоуважение, с другой стороны, неизбежно возникают внутренние конфликты между желаниями, влечениями и требованиями «чести»: «но я другому отдана, и буду век ему верна». Для разрешения этих конфликтов психическому аппарату нужно формировать зрелые защитные механизмы, с опорой на вытеснение, тратить энергию, чтобы удерживать вытесненное вне сознания. Сейчас мы даже сами не очень заметили, как само понятие чести исчезло из обихода и языка. «Честное пионерское» – мы говорили не так давно, а сейчас нет аналога. Я думаю, что исчезновение понятия чести и честности не случайно, а закономерно. Зрелый интернализированный Эго-идеал (честь) дает человеку ощущение автономии, позволяет самостоятельно регулировать самоуважение. В обществе потребления это – непозволительная роскошь, т.к. это делает человека свободным от взаимного использования. Люди, которые уважают себя, потому что они честные, – невыгодны в обществе потребления, они лишние. Получается, что функция поддержания самоуважения переходит из интрапсихического пространства вовне – «я могу себя уважать, потому что я хорошо выгляжу и хожу к косметологу, у меня шикарная машина и дорогой мобильник». Регулятор самоуважения становится внешним и сиюминутным, т.е. нестабильным, и об автономии речь не идет. Человек становится хладнокровным (как крокодил, температура тела которого напрямую зависит от температуры окружающей среды) – его самоощущение непосредственно зависит от внешней среды и внешней оценки. Таким образом, со структурной точки зрения тяжелая психическая патология становится нормой нашего времени.

Мир всемогущества, с опорой на примитивные защитные механизмы, где отношения с объектами строятся по нарциссическому типу, где вместо символизации – символическое уравнивание и где проективная идентификация постоянно используется для эвакуации непереваренных бета-элементов, а горевание невозможно – это мир параноидно-шизоидной позиции. И это мир, где родительская пара атакована и разрушена. Где нет структурирующей, объединяющей и символизирующей функции пениса. Я говорю сейчас о концепции пенис-как-связь (Брикстед-Брин): признание ребенком взаимоотношений родителей объединяет его психический мир и создает треугольное пространство. Интернализация пениса-как-связи поддерживает внутреннюю триадную структуру и символическую функцию. Папе нужна мама, а маме нужен папа. Я – ребенок, и я наблюдаю их отношения. Я нахожусь в позиции третьего. Я могу грустить и горевать о своей исключенности, и это означает, что мне доступна депрессивная позиция. Но если чувства слишком сильны и депрессивная позиция невыносима, то я буду постоянно атаковать родительскую пару, превращать триаду в диаду, и выход из параноидно-шизоидной позиции весьма затруднен.

Общество потребления, в котором мы сегодня живем, постоянно провоцирует нас на безудержное стремление к успеху и перфекционизм. Мы постоянно получаем

послания – «невозможное возможно», «ты можешь все, стоит только захотеть», «границ не существует». Ментальность всемогущества и отсутствия границ не позволяет нам построить идентичность, разобраться, что мое, что не мое. В результате нарциссические механизмы каждого человека испытывают постоянную стимуляцию и давление со стороны общества, что у многих людей ведет к нарушению адекватного нарциссического баланса и запускает нарциссическую регрессию. При определенной предрасположенности и слабости механизмов нарциссической регуляции у конкретного человека это может привести к декомпенсации и усугублению имеющейся нарциссической патологии.

Также современное общество оказывает опосредованное воздействие на формирование нарциссической патологии, которое реализуется через трансформацию института семьи. Современная семья эволюционирует от традиционной патриархальной семьи к нуклеарной семье, которую характеризует малочисленность, малодетность, нестабильность и отсутствие четкого гендерного разделения ролей. Каждый член нуклеарной семьи становится фактически незаменимым, т.к. его замена равноценна уничтожению семьи. В результате существенно повышается степень зависимости членов семьи друг от друга и степень взаимного нарциссического использования. При этом другой член семьи выступает как дополнение, ему делегируются собственные нужды, и происходит стирание психологических границ. Риск нарциссического использования больше подвержены дети. При этом может происходить подавление и игнорирование их собственных потребностей в развитии, что в дальнейшем неизбежно приводит к нарциссическим нарушениям различной степени выраженности у подрастающего поколения. Отсутствие четкого полового разграничения ролей в современной семье, с одной стороны, позволяет ей выжить, с другой стороны – приводит к стиранию полоролевых различий. В результате ребенку, растущему в нуклеарной семье, все труднее сформировать четкую полоролевою идентичность. И мы можем наблюдать тенденцию и в обществе в целом, и, соответственно, в своих психотерапевтических кабинетах – все больше появляется людей с нарушениями полоролевой идентичности.

Зачастую наши современные семьи состоят из матери, ребенка, и отца, который все время на работе. И ребенку (до выхода в большой социум – в школу) приходится идентифицироваться только с матерью, потому что больше просто не с кем. Объектный мир ребенка не обогащен игрой идентификаций, крайне ограничен и зачастую – дефицитен. Зачастую нет третьего объекта, на которого ребенок мог бы опереться, чтобы отделиться от матери. В результате ребенку в современной семье гораздо сложнее сформировать триадные объектные отношения, и мы все чаще встречаем в своих кабинетах

Мы можем наблюдать
в современном обществе запрет
на горевание и траур.

Еще одна особенность
современного общества – атака
на коммуникацию. В прямом
смысле слова – атака на живую
коммуникацию.

пациентов с диадными объектными отношениями, с большей степенью зависимости, с пограничной и психотической организацией психики.

Таким образом, общество потребления прямо и опосредованно формирует все большее количество людей с тяжелой

Вместо осмысления все чаще мы наблюдаем отреагирование в действии, пространство между стимулом и реакцией становится все меньше.

на нашу способность мыслить, символизировать, объединять и иметь внутреннее триангулярное пространство. И это та реальность, которая окружает нас и наших пациентов каждый день, и оказывает влияние на нашу работу.

Я предлагаю рассмотреть айсберг всемогущества: 1. Всемогущий контроль как защитный механизм – нам это хорошо известно, он может быть нормальным в определенных ситуациях (экстремальных) и патологическим, когда вся личностная структура построена вокруг всемогущества. 2. Всемогущество как этап развития (младенческое всемогущество, подростковое, всемогущество начинающего специалиста). 3. Всемогущество как социальный тренд.

Всемогущество пациента всегда заметно, мы умеем его видеть и работать с ним. Приведу 2 короткие клинические виньетки:

Пациент Х., харизматичный мужчина, крупный бизнесмен был уверен в том, что все возможно, любая проблема решаема, нужно лишь найти верный способ. Его жизнь была историей грандиозного успеха, и его колоссальные амбиции реализовывались в полной мере. Он построил завод, который прекрасно работал, и реальность в течение многих лет подкрепляла его могущество – «ты смог». Полученное им бизнес-образование также укрепило его в этом самоощущении. Настал час Х, и он потерял свой завод, доверившись «не тем» людям – он был абсолютно уверен, что он такой опытный, умный и хитрый, и его никто не обманет. Но его обманули. Чудом не убили, и он не застрелился, хотя хотел этого. Он был в такой глубокой депрессии, что смог обратиться к психоаналитику только через 4 года после краха. И мы вместе с ним делали работу горя по утраченному заводу, который был не просто заводом, а его детищем, продолжением его самого. И так же это было горевание по потерянному всемогуществу.

Пациентка Н., красивая женщина 45 лет, юрист по образованию. Обратилась за помощью, потому что чувствовала себя неуспешной, некрасивой, незначительной. Чтобы она ни делала, ее основное самоощущение было – «я как дура»: пошла в бассейн как дура, купила новое платье – не одену, я в нем, как дура и т.д. Она оказывала юридические

Обществу потребления очень удобны и выгодны люди с нарциссической патологией – их можно легко использовать. Реклама со своими слоганами: «будущее зависит от тебя», «управляй мечтой», «не думай – купи» эксплуатирует архаичное желание всемогущества, отрицает принцип реальности.

услуги своим многочисленным друзьям бесплатно, т.к. не считала свою помощь ценной. Она боялась высказать свое мнение в компании, даже среди старых знакомых, потому что: «ну что интересного может сказать такая дура, как я». В отношениях с мужчинами она очень старалась быть хорошей, полезной и беспроблемной, она помогала своим мужчинам, в том числе и деньгами, не считая себя вправе попросить у них даже о минимальной помощи (например, поменять колеса на машине). Старшая дочь в семье, она росла как Золушка, нелюбимая, постоянно критикуемая за все, что бы она ни делала, притом, что требовали от нее очень много. Ее младшую сестру холили и лелеяли, сестре нужно красивое платье – а тебе зачем, ты все равно страхолюдина, сестре нужно получить высшее образование – а тебе зачем, ты и учиться-то не сможешь. Через 2 года психоаналитической терапии ее самооценка радикально изменилась, она стала ощущать себя роскошной красавицей, и любой мужчина упадет к ее ногам, если она пожелает. Она стала работать юристом и назначала за свои услуги очень большие гонорары, потому что ощущала себя крутым мега-юристом. Было очевидно, что ее самооценка качнулась в противоположную сторону, в сторону грандиозности, и она не совсем адекватна в реальном восприятии себя. Я понимала, что ей еще предстоит испытать разочарования, прежде чем маятник ее самооценки выровняется. Но она была так воодушевлена «грандиозными изменениями», что покинула терапию – у нее же все прекрасно. Мне не удалось показать ей, что это только этап, и он пройдет. Ей очень важно

Болезнь и старение воспринимались и многими до сих пор воспринимаются не как естественная часть жизни, а как то, чего быть не должно. Здоровье, наоборот, воспринимается не как дар и счастье, но как право или даже требование никогда не болеть и никогда не умирать.

было насытиться ощущением своего всемогущества, потому что это было то, чего у нее никогда не было.

Всемогущество психоаналитика для нас менее очевидно, и нужно приложить некоторые усилия для того, чтобы его обнаружить. Первое – и самое безобидное – всемогущество начинающего психоаналитика. Это – естественная стадия развития и формирования профессиональной идентичности: мы на каждом углу говорим: я психоаналитик, нам важно чувствовать себя компетентными, мы опираемся на теорию, и можем быть очень умными. И мы с горящими глазами неопита искренне верим в то, что золото истинного психоанализа всем поможет. Я испытываю искреннюю зависть к начинающим коллегам, потому что это прекрасное время неизбежно проходит.

Всемогущество может возникать у психоаналитика как защита от беспомощности, и как контрпереносная реакция на проективную идентификацию пациента.

Всемогущество может возникать у нас как потеря принципа реальности в ответ на социальное давление. Феноменологически это может проявляться в том, что мы принимаем по 10 пациентов в день, например.

Всемогущество как проявление личностной патологии психоаналитика – тоже встречается, к сожалению.

Обществу потребления очень удобны и выгодны люди с нарциссической патологией – их можно легко использовать. Реклама со своими слоганами: «будущее зависит от тебя», «управляй мечтой», «не думай – купи» эксплуатирует архаичное желание всемогущества, отрицает принцип реальности.

Мы приходим в профессию с разным базовым образованием, как правило, медицинским или психологическим. На мой взгляд, всемогущество есть и у врача, и у психолога, но оно имеет разный оттенок: врач, скорее, будет ощущать себя всемогущим в желании «всех спасти», берет в терапию больше тяжелых пациентов – психотически организованных, или пациентов с эндогенными психическими расстройствами. Всемогущество психолога чаще проявляется в том, что он точно знает, «как правильно жить и в чем смысл жизни».

Всемогущество психоаналитического метода: мы видим, как буквально на наших глазах трансформируются ожидания пациента от психотерапии вообще и от психоаналитической терапии в частности. Все больше приходит пациентов, которым нужно «быстро», и они ориентированы, скорее, на краткосрочную фокусную терапию, чем на глубинную длительную работу. Все меньше приходит пациентов с запросом на классический психоанализ и все больше пациентов, с которыми мы работаем в формате психоаналитической психотерапии. Далеко не всегда мы можем модифицировать метод под ожидания и запрос пациента, зачастую это и не нужно, но мы испытываем такое искушение. Очень сложно бывает сказать пациенту: я не смогу вам помочь за несколько встреч. Для этого нужно признаться самому себе и пациенту в своем не всемогуществе, признать свои ограничения и ограничения метода, и справиться с разочарованием и другими сильными чувствами, которые вызывает эта ситуация.

Ожидания психоаналитика также не всегда совпадают с реальностью. Конечно, нам хочется работать с невротически организованными пациентами, способными переносить фрустрацию, имеющими развитое наблюдающее Эго, способными развивать объектный перенос. Очень непросто ощущать себя функцией, а нарциссически организованных пациентов с дефицитом функций самости, которые развивают частичный

функциональный перенос, становится все больше. Мы можем скучать по пациентам с патологией конфликта, а не с патологией дефицита, и иногда это может приводить к диагностическим ошибкам – например, когда доэдипального пациента «завышаем» до эдипального уровня.

Непсихоаналитические направления психотерапии и психологической помощи зачастую предлагают пациентам более быструю и менее затратную помощь, и это тоже может быть своеобразным «вызовом времени». Мы наблюдаем

Современные медицинские достижения, при их безусловной важности и полезности, вмешиваются в такие тонкие вопросы жизни и смерти, что возникла иллюзия, будто этими процессами можно управлять.

расширение объектов психоаналитического исследования и помощи: групповой психоанализ, психоанализ в бизнесе, психоанализ на службе продаж, психодинамический коучинг, психоанализ в политике, рекламе и т.д.

Психоаналитическим сообществам, на мой взгляд, предстоит решить две непростые задачи – приспособиться к меняющейся реальности и в то же время сохранить психоаналитическую традицию и идентичность.

К сожалению, во многих психоаналитических сообществах мы можем наблюдать нарциссическую динамику, зачастую злокачественную. Об этом прекрасно писал Отто Кернберг в статье «Предотвращение суицидов психоаналитических сообществ». Очень велик риск замкнуться в своей башне из слоновой кости, решить, что психоанализ – единственно верная и правильная психотерапия, обесценить другие направления, атаковать всех инакомыслящих. Но это путь в никуда.

Что нам может помочь? На мой взгляд, это признание своих ограничений. Ограничения есть и со стороны метода, и со стороны психоаналитика. Со стороны метода – психоанализ и психоаналитическая психотерапия имеют свои ограничения. Это показания, противопоказания, терапевтический сеттинг, психоаналитические правила, этические рамки. Также важно помнить, особенно начинающим специалистам, что не каждому пациенту подходит психоаналитическое направление, и это нормально. Со стороны психоаналитика также есть общие и индивидуальные ограничения, о которых мы иногда склонны забывать. Общее для всех – это соблюдение режима труда и отдыха. Сколько пациентов мы принимаем в день? В неделю? Часы супервизий, семинаров, конференций – это наше рабочее время или нет? Мы же за это платим, а не зарабатываем. На самом деле это, конечно, работа, причем очень непростая и энергозатратная. Кроме того, у каждого психоаналитика есть свои индивидуальные ограничения, которые очень важно знать про себя. Кто-то не готов работать с онкобольными, или с наркозависимыми пациентами, или с психотически организованными пациентами.

Когда мы признаем свои ограничения, и разочарование от нашего не всемогущества является переносимым, то мы можем провести границу между тем, что я могу, а чего я не могу. И трансформировать незрелое, инфантильное желание всемогущества в зрелое и адекватное ощущение своего могущества – «вот это я могу».

Общество
потребления – это общество
дефицита, а не конфликта.
Это мир, где расщепление
и отрицание являются нормой.

Почему Иисус Христос – суперзвезда: история Рождества

Сухова Наталья Александровна

- Психолог, психоаналитик,
- член ЕАРПП (Россия, РО - Екатеринбург),
- член Молодежного Комитета ЕАРПП

Можем ли мы интерпретировать историю рождения Иисуса Христа с психоаналитической точки зрения и нужно ли это понимание для работы с пациентами? Является ли религиозное мировоззрение пациента препятствием к психоаналитической работе или может стать нашим союзником? Есть ли что-то ценное для психоаналитиков в Библии – самой читаемой книге в мире? Эти вопросы неоднократно появлялись у меня и моих коллег. Возможно, поэтому на XIV Зимней школе МОО ЕАРПП в Екатеринбурге меня заинтересовала дискуссия «Фундамент человеческого в религиозной традиции. История Рождества».

В обсуждении участвовали Владимир Николаевич Шлыков, психолог-психоаналитик, специалист, тренинговый аналитик, супервизор ЕАРПП и ЕССР (Vienna, Austria), и Наталья Олеговна Никулина, психолог-психоаналитик, специалист ЕАРПП и ЕССР (Vienna, Austria). В качестве экспертов были приглашены Эдриан

Роудз, психоаналитический психотерапевт, священник Манчестерского собора, президент ЕССР (Vienna, Austria), паст-президент ЕАП, генеральный секретарь и вице-президент Британского совета по Психотерапии (Манчестер, Великобритания), и православный священник Кирилл Екатеринбургской Епархии.

В Евангелии от Луки говорится об истории зачатия и периоде беременности Елизаветы, матери Иоанна Крестителя, и Марии, матери Иисуса Христа. Продолжение рода считалось главной ценностью, бесплодие женщины воспринималось как проклятие. Женщины, описанные в Библии, вымаливали у Бога ребенка и получали то, что просили. Такой была Сара, Елизавета и мать Марии Анна. Они все родили в очень преклонном возрасте, их беременность была долгожданным чудом. Рожденные таким образом дети очень часто играли большую роль в истории своего народа. Захария, отец Иоанна Крестителя, говорил о том, что его ребенок будет пророком. «Вымоленные» у Бога дети посвящались с раннего детства служению Господу. Мария в раннем детстве была отдана в Иерусалимский храм и воспитывалась там. Мы можем увидеть тесную связь Марии и Елизаветы в тот период, когда они были беременны, и тесную связь родившихся детей – Иисуса Христа и Иоанна Крестителя в их взрослой жизни. Подробное описание зачатия и протекания беременности Елизаветы и Марии говорит о значимости этих событий. С психоаналитической точки зрения, история зачатия, беременности, психологическое состояние матери, а также отношение ее и отца ребенка к еще неродившемуся младенцу влияет на его развитие.

Вера в Бога, смирение с Его волей дают возможность здорового внутриутробного развития. На психоаналитическом языке это означает отказ от всемогущества, здоровый нарциссизм, надежный тип привязанности, базовое доверие к миру и принятие своей человеческой природы, в первую очередь – своей смертности.

Владимир Николаевич обратил внимание на значимость внутриутробно протекавших процессов и возможных нарушений. С этой точки зрения, жизнеописание внутриутробного развития Девы Марии, Иоанна Крестителя и Иисуса Христа очень близки к описанию здорового процесса. Вера в Бога, смирение с Его волей дают возможность здорового развития. На психоаналитическом языке это означает отказ от всемогущества, здоровый нарциссизм, надежный тип привязанности, базовое доверие к миру и принятие своей человеческой природы, в первую очередь – своей смертности. И смертности своих детей. Как можно рожать детей в этот мир, зная, что они умрут? Обязательно умрут. Какой уровень доверия к миру должен быть у женщины, у родительской пары, чтобы несмотря на этот неоспоримый факт рожать детей с радостью, с надеждой и любовью? С верой в жизнь. Современная жизнь, парадигма общества потребления говорит нам о другом – ты можешь все, стоит только захотеть. Сегодня мы как будто бы «отменили» старение, смерть, болезни, бесплодие. Все это воспринимается как то, чего быть не должно. Как и детской смертности – не должно быть. В 21 веке дети не должны умирать. Возможно ли это? В человеческих ли это силах? Или мы сегодня становимся заложниками своей защитной грандиозности, потеряв смирение и страх Божий?

Владимир Николаевич поделился интересными клиническими примерами, в которых идентификация с Марией у беременных женщин, проходящих психотерапию, помогла им погрузиться в спокойное, уверенное состояние вынашивания, придала им чувство защищенности. В тексте Библии мы видим, что Мария чувствовала себя абсолютно защищённой, уверенной в том, что с ней все будет в порядке. Она спокойно принимала свою судьбу и судьбу своего будущего ребенка, зная о том, что ему предстоит. На мой взгляд, идея такой идентификации может быть очень полезна для поддержки тех женщин, у которых нет базового доверия к миру и к себе как части этого мира, которые во время беременности эмоционально нестабильны и испытывают много тревоги: «А правильно ли развивается ребенок, а нормальны ли те или иные проявления?». В большинстве случаев у самих женщин были нарушения развития в ранний период, на этапе формирования базового доверия к миру, как и опыта идентификации с уверенной и спокойной матерью. Иисус говорит: «Идите за мной и будьте как я», словно показывает пример здорового, нормального развития. Христианство может давать структуру, которая помогает в развитии, поддерживает человека.

Эдриан Роудз говорил о том, что первые три главы Бытия подробно описывают раннее развитие ребенка, и мы можем увидеть параноидно-шизоидную и депрессивную позиции в терминологии М. Кляйн. Но цель Евангелия не столько показать биографию Христа, а показать его историю и деяния. Описать, как он формируется и каким он в итоге становится. И нам, психоаналитикам, очень важно изучать не только нарушения в развитии, но и здоровые варианты развития человека. Эдриан Роудз высказал идею о том, что «психоанализ

хорош тем, что может показать, что у человека не так, и работать с человеком, у которого что-то не так. Но в чем психоанализ слаб, так это в изучении здоровой личности, в изучении здорового нормального развития». И с этой точки зрения было бы полезно подумать об истории Иисуса как о варианте ненарушенного, нормального развития.

Священник Кирилл упомянул об одном эпизоде, описанном в Библии, когда родители Иисуса Мария и Иосиф, находясь на празднике в Иерусалиме, среди огромной толпы, не смогли найти Иисуса и вернулись домой. Спыхватились только через три дня. И это не потому, что им было все равно, а потому что они были уверены, что он с кем-то из родственников. Когда родители нашли Иисуса, он был в храме. Сам Иисус тоже не был обеспокоен, не бился в истерике, не получил невроз или заикание. И здесь очень уместно подумать про надежную привязанность, сформированную между родителями и ребенком, про ощущение безопасности и чувство доверия к миру. Согласитесь, если переложить этот эпизод на день сегодняшней, мы увидим совсем другую картину. Сегодня зачастую мы впадаем в панику, если ребенок не ответил на телефонный звонок или задержался на 10-15 минут. Полагаю, что такие сильные чувства говорят не только об изменившихся реалиях, но и о преобладающем типе привязанности, об уровне базового доверия в нас самих и наших детях.

В библейских текстах мы читаем, что Елизавета и Мария уверенно, без тревоги и сомнений воспринимают весть о своей беременности. И в итоге, Иисус здесь как кульминация всего священного Писания, а Иоанн – величайший из пророков. Возможно, именно такое спокойное и уверенное отношение матерей дало возможность детям вырасти и стать величайшими людьми, которые затем повлияли на историю всего человечества.

На фоне этих историй участники дискуссии вспомнили еще одну историю из Ветхого Завета – о зачатии Исаака. Явившиеся к Аврааму и Саре ангелы говорят о том, что у них родится сын. Но Сара, пожилая женщина, сомневается и смеется. Любопытно, что имя Исаак в переводе означает «тот, кто будет смеяться». Но дальнейшая его судьба достаточно трагична, и он часто впадает в уныние. Связана ли судьба Исаака с сомнениями и высокомерием его матери?

10 заповедей Божьих мы можем считать ориентиром, в том числе и в поддержании психического здоровья. Например, в заповеди «почитай отца твоего и мать» есть важное дополнение, о котором часто забывается: «не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол. 3:21). Эти слова заставляют нас задуматься не только об отношении детей к родителям, но и о чутком, уважительном отношении родителей к своим детям.

На дискуссии была возможность выслушать две точки зрения – христианскую и психоаналитическую – о развитии человека, как внутриутробно, так и после рождения. Изучение здорового, ненарушенного развития несет в себе огромный потенциал для более глубокого понимания формирования психики человека.

Психоанализ хорош тем, что может показать, что у человека не так, и работать с человеком, у которого что-то не так. Но в чем психоанализ слаб, так это в изучении здоровой личности. И с этой точки зрения было бы полезно подумать об истории Иисуса как о варианте ненарушенного, нормального развития.

«Нарциссизм: защитная или деструктивная мотивация»

Терехина Светлана Юрьевна

- Психоаналитически-ориентированный психолог, аналитический психолог
- Член ЕАРПП (РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria).

На Зимней Школе, состоявшейся в феврале 2022 года в Екатеринбурге, Рональд Доктор в своем докладе исследует два аспекта нарциссизма. Автор ссылается на работы Зигмунда Фрейда, Карла Абрахама, Мелани Кляйн, Герберта Розенфельда, Бетти Джозеф, Рональда Бриттона и предлагает две клинические виньетки из собственной практики, которые наглядно показывают сосуществование и переплетение двух аспектов нарциссического расстройства личности.

При нарциссическом расстройстве личности у человека возникает обостренное чувство собственной важности, а также чрезмерная потребность во внимании и восхищении со стороны окружающих людей, что сопровождается отсутствием эмпатии по отношению к другим. Под маской чрезвычайной уверенности скрывается хрупкая самооценка, уязвимая к малейшей критике. Такие люди как, правило, чувствуют себя несчастными и угнетенными, когда им не оказывают особого внимания и восхищения, которое они, по их мнению, заслуживают. В то же время и окружающим людям не нравится находиться рядом с ним.

Провал процесса контейнирования со стороны значимого объекта приводит к тому, что вместо формирования внутреннего заботливого родительского объекта, формируется суровое СуперЭго, разрушающее Эго, такой «внутренний диверсант».

Фрейд рассматривал вторичный нарциссизм (либидинальный) как средство сохранения или восстановления любви в ситуациях, когда объектная любовь кажется невозможной.

С самого начала развития концепции нарциссизма две темы обретают особую значимость. Одна тема касается либидинозного нарциссизма, как защиты от разочаровывающих объектных отношений; другая тема касается деструктивного нарциссизма как проявления базовой агрессии по отношению к объектам. Рональд Доктор подчеркивает важность такого двустороннего подхода к понима-

нию нарциссизма: с одной стороны, мы видим защиту от тревоги, с другой стороны, мы видим агрессию по отношению к другим.

Две версии мифа о Нарциссе отражают эту двойственность. В мифе Овидия, Нарцисс платит цену за свою неспособность любить кого-то, кроме самого себя. В то время как в версии Павсания Нарцисс потерял свою сестру-близнеца и принял свое отражение в озере за утраченную сестру.

Две версии мифа о Нарциссе иллюстрируют защитный (либидинозный) и агрессивный (деструктивный) компоненты нарциссизма. У Зигмунда Фрейда мы находим концепцию либидинозного нарциссизма, а у Карла Абрахама - понятие деструктивного нарциссизма. Фрейд подчеркивал, что он рассматривает нарциссизм как средство сохранения и восстановления любви, когда объектная любовь кажется невозможной. В то время как Абрахам делал акцент на враждебности и зависти к объектам переноса, что затормаживает развитие объектных отношений.

Согласно теоретическим разработкам Мелани Кляйн, в патологическом нарциссизме есть два мотива: либидинальный (или защитный) и враждебный (или деструктивный). Формирование нарциссических объектных отношений может быть вызвано защитным желанием сохранить способность к любви, делая объект любви подобным себе, или может преобладать деструктивный стимул, нацеленный на уничтожение в объекте всего того, что придает ему индивидуальность. Эти два аспекта могут пересекаться и взаимодействовать. Защитный аспект - и мы делаем объект любви подобным себе, а под действием деструктивного стимула - мы уничтожаем в объекте любви то, что придает ему отдельность.

Доктор подчеркивает, что некоторые пациенты избегают тревоги, стараясь не контактировать с другими людьми и реальностью, в то же время разыгрывают очень деструктивные мотивы уничтожения другого, психологически «делая» его своим близнецом.

Далее докладчик приводит клинический пример, демонстрирующий его теоретические рассуждения.

Случай мистера С. Молодой человек, не женат, работает в модной индустрии, переехал в Лондон в 19 лет из Восточно-Европейской страны. Переезжая в Лондон, мистер С. хотел убежать от своей семьи, от своего окружения, от их высоких ожиданий. Его образ жизни и стремления не вписывались в строгие католические нравы и правила общества в его родной стране. Пациент чувствовал, что им пренебрегали и не любили с рождения. В рассказах и воспоминаниях мистера С. о детстве было много боли и сожаления. В первый год жизни он трижды побывал в больнице. В 8 месяцев он получил сильный ожог и у него остались шрамы на теле, затем он дважды перенес операцию по удалению грыжи, от чего у него также остались шрамы. Он считал, что его тело обезображено, и оно

никогда не будет красивым. Это приводило его в отчаяние. Можно сказать, что его тело наглядно показывало нарциссические раны его души.

Когда мистеру С. было 8 лет, у него на глазах его отец внезапно умер от сердечного приступа. Новый муж матери оказался алкоголиком и жестоко обращался со всеми членами семьи. Мальчик чувствовал себя ненужным, маленьким и невидимым, поэтому, чтобы удостовериться, что его замечают, он носил провокационную одежду, тем самым провоцируя нападки и насмешки со стороны сверстников. Он был счастлив, что его замечали, даже если это было негативное внимание, но в то же время чувствовал себя одиноко и униженно из-за того, что мог добиться от окружающих только таких реакций. Он очень хотел, чтобы его любили, но не знал, как получить любовь от других людей.

Он переехал в Лондон в возрасте 19 лет, чтобы сменить обстановку и добиться успеха как актер или как модельер. Лондон манил его, так как он представлял, что это высококультурный город, в котором живут утонченные, обаятельные и успешные люди. Со временем к нему пришло понимание того, что ему никогда не стать таким же успешным и блистательным, как те жители Лондона, которым он завидовал. В этом заключается его основная фантазия: этот город, среда в которой он сейчас живет, наполнена замечательными людьми, а он, как бы ни старался, не соответствует им. И он опять - маленький, незаметный и никчемный.

Формирование нарциссических объектных отношений может быть вызвано защитным желанием сохранить способность к любви, делая объект любви подобным себе, или у субъекта может преобладать деструктивный мотив, нацеленный на уничтожение в объекте всего того, что придает ему индивидуальность. Эти два аспекта могут пересекаться и взаимодействовать.

Рональд Доктор заметил, что такие пациенты пытаются создать своего рода близнецовые отношения - при этом у них это не получается т.е. стремление соответствовать «идеальным» объектам всегда терпит крах.

Мистер С. говорил о том, что ему что-то мешает нормально функционировать, ему не интересно жить, его ничего не беспокоит, он ощущает себя нереальным и пустым. По его мнению, для того, чтобы быть хорошим, нужно быть кем-то большим. Невозможно смириться с тем, что ощущаешь себя обыденным. Желание стать кем-то большим, масштабным, успешным - достаточно распространенная проблема, с которой приходят пациенты в психоанализ. Они не хотят быть обычными, так как воспринимают это как не успех, скорее как крах, поражение. Зачастую можно услышать, что многим не нравится даже само слово «ординарность», так оно уже имеет негативную коннотацию, по их мнению.

Рональд Доктор обращается к идеям Зигмунда Фрейда, Карла Абрахама, Герберта Розенфельда и Бетти Джозеф для лучшего понимания психодинамики мистера С. Фрейд рассматривал вторичный нарциссизм (либидинальный) как средство сохранения или восстановления любви в ситуациях, когда объектная любовь кажется

невозможной. Так любовь к себе становится вынужденной заменой материнской любви, защитой от разочарования и ощущение невыносимой покинутости. Карл Абрахам делал акцент на враждебности к объекту переноса: чувство зависти может способствовать нарциссизму и тормозить любовь к объекту.

У мистера С. присутствует и либидинальный аспект, проявляющийся в попытках восстановить любовь, став высококультурным человеком и быть частью «блестящего, лондонского» общества, и деструктивный аспект, проявляющийся в том, что пациент не мог выстраивать близкие отношения и отталкивал людей, в том числе и своего аналитика.

По мнению Герберта Розенфельда, при преобладании деструктивного аспекта нарциссизма, зависть будет носить более жесткий и не признанный характер. В этом случае будет преобладать желание разрушить любые близкие отношения, в том числе с аналитиком, а так же собственную самость. В этом случае, по мнению Розенфельда, смерть воспринимается как идеальное решение всех проблем.

Бетти Джозеф в своей статье «Тяга к пребыванию вблизи смерти» описывает пристрастие некоторых пациентов к тому, что она называет «находиться вблизи смерти». По ее мнению - это форма выражения инстинкта смерти, это мощная саморазрушительная и вызывающая привыкание сила, находясь под воздействием которой пациент считает, что ему уже невозможно помочь.

Мистер С. описывал это так - мне не интересно жить, мое желание быть кем-то никогда не сбудется, я не могу ничего создать, не чувствую себя реальным, как будто меня нет. Чтобы жить требуется слишком много энергии, усилий и слишком много эмоций.

Бетти Джозеф описывает, как часто у пациентов встречаются пристрастия к проживанию повторяющихся садомазохистических циклов, в которых пациенты используют свое страдание и отчаяние для победы над конструктивными аспектами себя, считая это более важным, чем здравомыслие и позитивные перемены. Однако тяга к этому отчаянию и к страданию не является стремлением к покою и свободе от усилий, наоборот, такой индивид вовлечен в активный процесс, в котором все конструктивное в нем самом и в аналитике подвергается мощной садистической атаке. Часто пациент чувствует себя поработанным этой садистической частью и испытывает мазохистическое удовлетворение от получаемой боли и отчаяния.

Может показаться, что такой пациент ищет помощи, но его речь бессознательно направлена на то, чтобы вызвать беспокойство и отчаяние аналитика. Аналитик может чувствовать, что его опровергают и провоцируют на грубые, критикующие реакции. Если эти провокации успешные, то они вызывают у пациента чувство триумфа, так как аналитик потерпел поражение при выполнении надлежавшей аналитической задачи.

Рональд Бриттон предполагает, что нарциссические расстройства возникают при нарушении процесса контейнирования в младенческий и детский период жизни. Как правило, провал процесса

По мнению Герберта Розенфельда, с преобладанием деструктивного аспекта нарциссизма зависть будет носить более жесткий и непризнанный характер. Появится желание разрушить любые близкие отношения, в том числе с аналитиком, а также собственную самость.

Часто у пациентов встречаются пристрастия к проживанию повторяющихся садомазохистских циклов, в которых пациенты используют свое страдание и отчаяние для победы над конструктивными аспектами себя, считая это более важным, чем здравомыслие и позитивные перемены.

контейнирования со стороны значимого объекта приводит к тому, что вместо формирования внутреннего заботливого родительского объекта, формируется суровое СуперЭго, разрушающее Эго, такой «внутренний диверсант».

Здесь важно подчеркнуть, что у двух аспектов (либидинозного и деструктивного) есть общее - это создание нарциссических отношений с Эго-Идеалом, для того чтобы избежать отношений с «внутренним диверсантом». Формируется своеобразная близнецовая связь. Так, для мистера С. блестящее и успешное общество Лондона является олицетворением его Эго-Идеала. Именно с этим Эго-Идеалом мистер С. стремился установить нарциссические отношения, чтобы защититься от собственного разрушительного СуперЭго, чьим суровым нападкам он подвергался, говоря о себе как о ничтожном и глупом.

Описание проективной идентификации развивает наше понимание концепции нарциссизма. Отношение к другому человеку, основанное на проецировании в него плохих частей себя, носит нарциссический характер, так как объект ощущается не как отдельный индивид, а как собственное плохое Я.

Однако важно различать нормальную проективную идентификацию и патологическую в зависимости от степени фантазийного всемогущества. Патологическая проективная идентификация предполагает процесс, при котором идентификация образует часть самости вместе с объектом и приводит к растворению границ между ними, когда одно находится в другом, т.е. приводит к образованию близнецов.

Идеи Мелани Кляйн помогают понять отличительную черту нарциссических состояний: всемогущую проективную идентификацию, с жестокостью растворяющей границы между Эго и Объектом с последующей потерей осознания внутренней и внешней реальности.

Далее Рональд Доктор приводит клинический случай, иллюстрирующий проявление патологической проективной идентификации.

Женщина обратилась за психотерапевтической помощью, так как злоупотребляла алкоголем; не могла выходить из дома; находясь в алкогольном опьянении подвергала опасности жизнь и здоровье своих родных, в том числе и собственных детей, участились случаи агрессивных нападков на мужа.

Детство пациентки было тягостным, она с рождения воспитывалась в приемных семьях, где подвергалась физическому и сексуальному насилию, часто меняла учебные заведения. Пациентка говорила о себе так: «У вас сложится ужасное представление обо мне, и это правда. Вначале я выгляжу успешной и удачливой, так как защищаю себя, я привыкла делать это всю свою жизнь. Но на самом деле я не такая».

Старший сын и дочь пациентки тоже пристрастились к употреблению алкоголя, что разрушительным образом сказывалось на их жизни. Зачастую мать требовала

от дочери, чтобы та бросила пить, жестоко обвиняя дочь и нападая на нее. При этом дочь своим поведением хотела показать пациентке, каково это - когда твой близкий человек пьет. «Посмотри, я пью, так же, как и ты. Посмотри, как это отвратительно. Перестань делать это» - говорила пациентке ее дочь. Дочь пыталась пробудить пациентку, так как та жила в мире фантазий. Пациентка ненавидела свою дочь. Аналитик говорит о том, что эта женщина хотела находиться в «отключке» с помощью алкоголя, вместо того, чтобы проснуться и посмотреть на то, что она делает, как она убивает свою уязвимую, зависимую, детскую часть, спроецированную на собственную дочь.

Провал процесса
контейнирования со стороны
значимого объекта приводит
к тому, что вместо формирования
внутреннего заботливого
родительского объекта,
формируется суровое СуперЭго,
разрушающее Эго, такой
«внутренний диверсант».

Одним из следствий проективной идентификации является то, что пациентка относится к своей дочери не как к отдельной личности со своими особенностями, а как к самой себе. Она игнорирует аспекты своей дочери, которые не соответствуют ее проекции, и одновременно она может контролировать, убеждать, заставлять свою дочь играть требуемую от нее роль. Следовательно, проекция ведет к нарциссическому типу объектных отношений, когда нежелательная часть самости отщепляется, проецируется и приписывается объекту, а тот факт, что эта часть принадлежит собственной самости, отрицается.

Возникающие в результате этого объектные отношения, формируются не с реальным, отдельно воспринимаемым человеком, а с собственной проекцией, помещенной в другого человека. Это позиция Нарцисса из мифа, который влюбился в красивого юношу в озере и которого он, на осознанном уровне, не воспринимал самим собой.

Процесс восстановления части самости, утраченной в результате проективной идентификации, подразумевает столкновение с реальностью – необходимо отделить то, что принадлежит объекту, от того, что принадлежит собственной самости. Это обеспечивается через опыт утраты и оплакивания, когда эти части самости возвращаются и воссоединяются. Чтобы этого достичь, потребуется достаточно длительная терапевтическая работа.

Как аналитики, мы не можем и не должны повторить опыт отношения таких пациентов с их родителями, потому что этот опыт был очень жестоким и травмирующим. Нам нужно обеспечить переживание другого опыта построения отношений, когда пациент, демонстрируя свое плохое Я, не осуждается.

Аналитик, который обеспечивает холдинг и контейнирование, дает надежду своему пациенту и у того могут появиться силы и возможность освободиться от «внутреннего диверсанта». Рональд Доктор в докладе приводил много примеров терапевтических коммуникаций с пациентами – как именно на практике осуществляется контейнирование и холдинг. Тогда в жизни пациента появляется корригирующий эмоциональный опыт, помогающий оплакать невосполнимые потери и попробовать жить дальше, став «ординарным» человеком и приняв свои ограничения.

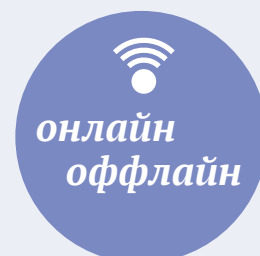
Уважаемые коллеги!

4–5 июня 2022 года приглашаем на X межрегиональную Психоаналитическую конференцию **«Сексуальное» — место теорий психосексуального развития в современном психоанализе.**

Тема сексуального пронизывает весь путь развития психоаналитической мысли и клинической практики. Нам предстоит углубиться в пространства формирования внутреннего мира человека, основанные на желаниях быть вместе и обладать, притягивать и сохранять, давать свободу и зависеть, наслаждаться и страдать. и исследуя аналитическую ситуацию нам нужно будет понять всю гамму чувств, которые связаны с сексуальными переживаниями, поразмышлять о непростой динамике переносов и контрпереносов, искрометных фантазиях и сновидениях в поле желаний к себе и другому, прикоснуться к трагедиям не любви и эстетике счастья. и конечно будут затронуты темы половой и полоролевой идентичности, перверсий и проблем отношения пар и групп.

Иллюстрация Ашраф Абдель Мохсен

О ком плачет эхо

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОКЛАДЕ ЭДРИАНА МАЙКЛА РОУДЗА «ЭХО, ЭХО, ЭХО...»

Васильева Елена Владимировна

- К.п.с.н., клинический психолог, психоаналитически-ориентированный психолог.
- Член ЕАРПП (РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria).
- Специалист Центра Современного Психоанализа (г.Самара)
Действительный член некоммерческого партнерства «Палата судебных экспертов»

Реплика Эдриана Роудза в начале выступления: «Хотел бы быть вместе с вами, но ситуация такова, что это невозможно...» неожиданно явилась ёмким эпиграфом к докладу.

Роудз выступал на фоне изображения статуи Нарцисса, которая из всего многообразия обликов этого персонажа была, на мой взгляд, самой безжизненной. Эта скульптура передавала прекрасную мёртвость восхитительно красивого тела без признаков пола как такового. На фоне черно-белой холодности и печали докладчик казался антагонистично активным, эмоциональным и живым. Как музыка, сопровождающая театрализованное действие, создает фон настроения, так и черно-белый фон с изображением Нарцисса настраивал на дихотомическое мышление, в котором нет места сомнению, но есть «правда» и «ложь», «хорошее» и «плохое», «свои» и «чужие» – только идеальные противоположности, выраженные

в своем максимуме. Это настроение было противоположно бионовскому «не-знанию», которое так необходимо для восприятия информации на эту тему.

Красной нитью через весь доклад проходила история взаимоотношений пациентки Эдриана Роудза Эмили и ее возлюбленного Оскара, трагически завершившаяся накануне самого душевного праздника – Рождества. Вопреки праздничному духу, который обычно витает в эти дни среди людей, девушка была подавлена и одинока.

Структура доклада содержала четыре параллели, которые были похожи на музыкальные вариации на одну тему. Содержанием стали отношения в парах Эмили – Оскар, Эхо – Нарцисс, Мать – Младенец, Психоаналитик – Пациент. Как в сонате, мы видим тесную взаимосвязь партий дуэтов, которые построены по принципу контраста – здесь великолепный, всеми обожаемый блистательный Нарцисс, говорящий в полный голос и угасающая, никчемная и не имеющая собственного голоса Эхо. Одна партия в сонате является главной, а вторая – побочной, и эти два образа по ходу развития темы обязательно дополняют друг друга и вступают в драматические взаимоотношения. Само построение доклада очень похоже на структуру классической симфонии, так как в начале в форме Allegro мы слышим противопоставление главной и второстепенной партий во всех параллелях, во второй части темп изложения замедляется, и докладчик пристально всматривается во внутренний мир каждого персонажа (Оскара, Эмили, Нарцисса, Эхо...). Третья менуэтная часть разворачивает бытовые подробности жизни главных героев, а в финале спикер виртуозно показывает общность всех четырех параллелей, где перекликаются эпизоды каждой из первых трех частей и все партии с многократным повторением главной мысли, что создает ощущение законченности, целостности. Но об этом теперь более подробно.

Как в сонате, мы видим тесную взаимосвязь партий дуэтов, которые построены по принципу контраста – здесь великолепный, всеми обожаемый блистательный Нарцисс, говорящий в полный голос и угасающая, никчемная и не имеющая собственного голоса Эхо.

Четырьмя звучащими параллелями в докладе были развернуты диады: Нарцисс – Эхо, Оскар – Эмили, Младенец – Мать и Пациент – Аналитик. Во всех этих вариациях было много общего: один считает, что является центром и причиной всего, другой вторит ему и отражает (отзеркаливает); в этих отношениях есть только идеальный объект, в них нет места амбивалентному объекту; Другого отвергают, но он продолжает принимать (любить).

Во всех вариациях диад как доминанты звучали идеи М. Малера, М. Балинта, Х. Кохута, М. Кляйн, Д. Винникотта и, конечно же, З. Фрейда. Эти идеи помогли нам лучше понять, что происходило в отношениях главных героев доклада Оскара и Эмили; то, как пациентка Эмили вновь исполнила мелодию своего детства в новой вариации в отношениях со своим возлюбленным Оскаром.

Эдриан Роудз сравнивает аналитика, работающего с нарциссическим пациентом, с Эхо. Также, как Эхо, психотерапевту необходимо словами отражать то, что говорит

пациент. Однако аналитик в этом отражении не должен соглашаться с грандиозностью нарцисса, но и не должен отражать его ничтожность, выдерживая пустоту и отвержение – заключает докладчик. Аналитику нужно ждать, когда (и если) пациент сможет сам увидеть пустоту и тщетность своей иллюзии, после чего может последовать грустный возглас: «Увы! Это невозможно!». И тогда появится возможность сопроводить его через проживание утраты, тогда истинное Я пациента сможет развиваться и расцвести прекрасным цветком. Поэтому каждому Нарциссу нужна Эхо, чтобы получить возможность «увидеть и услышать» себя, а любой Эхо нужен Нарцисс, чтобы хоть как-то звучать, пусть даже через отражение Другого. На самом деле каждый человек нуждается в Эхо, в отзеркаливании, так как без него мы не узнаем, кто мы есть – заключает Эдриан Роудз.

Любопытно, что Эхо, повторяя только последние слова реплик, «отбрасывает» отрицание и отвержение, возвращая обратно автору слов иную, порой противоположную версию. Так «не-любовь» превращается в «любовь».

Аналитику нужно ждать, когда (и если) пациент сможет сам увидеть пустоту и тщетность своей иллюзии, после чего может последовать грустный возглас: «Увы! Это невозможно!». И тогда появится возможность сопроводить его через проживание утраты, тогда истинное Я пациента сможет развиваться и расцвести прекрасным цветком.

Нарцисс в ответ на распростертые объятия Эхо заявляет: «Лучше на месте умру, чем тебе на утеху достанусь». Эхо повторяет за ним: «Тебе на утеху достанусь». Нарцисс говорит Эхо: «Я тебя не люблю». И вновь Эхо вторит его словам: «Люблю...». Она повторяет последние слова, и одновременно меняет смысл на совершенно иной.

Также у Эхо нет собственного голоса, следовательно, она как бы лишена способности символизации (ментализации) происходящего, таким образом, она не может связывать репрезентации, у нее отсутствует α -функция. Это те инструменты, которые использует аналитик в работе с пациентами, функционирующими на психотическом и пограничном уровнях. Таким образом, здесь есть противоречия в роли Эхо и Аналитика для Нарцисса.

Мы увидели, насколько судьба Эмили, которая обратилась за помощью к психоаналитику, похожа на судьбу Эхо. Как и Эхо, она долго вторила своему Нарциссу, принимая от него агрессию, но возвращая поддержку и любовь, как и Эхо она была отвергнута своим партнером и страдала. Вслед за докладчиком мы переживали вместе с Эмили надежду и разочарование, любовь и обиду. История ее сложного детства была наполнена отвержением, насилием и поисками хотя бы крошечных знаков любви. Надежда найти любовь помогала Эмили выживать, и именно эта надежда привела ее в отношения с Оскаром – прекрасным, великолепным и надменным. Эмили вновь попадает в отношения, подобные тем, которые были у нее с ее отвергающей матерью. Надежда обрести любовь снова и снова была обречена на катастрофическое разочарование, однако возрождалась снова и снова вопреки всему. У Эмили, как и у Эхо, не было собственного

голоса. Она жила лишь как отражение великолепной жизни Нарцисса-Оскара. И когда Эмили начала психоаналитическую терапию с Эдрианом Роудзом, то впервые возникла иная надежда – что у Эмили-Эхо появится свой собственный голос. Голос, которым можно говорить о себе самой.

Параллели Мать – Младенец и Аналитик – Пациент похожи в том отношении, что Аналитик, как и Мать, отражает, а также «дает в аренду» свое Эго для того, чтобы внутренний хаос Пациента начал структурироваться. Материнское Эго реализует младенческое Эго, что определяется в акте материнской заботы, где она понимает (через со-настройку), о чем плачет ее дитя, и делает эти страдания выносимыми, обозначая словами, что происходит с младенцем. Мать контейнирует невыносимые переживания младенца, и своими заботливыми действиями устраняет или минимизирует его неудовольствие, что позволяет Эго ребенка развиваться и окрепнуть. Мать отражает Младенцу то, кем он является. Не правда ли, эта тактика похожа на работу с пациентами пограничного и психотического спектра?

Вопросы слушателей касались идентичности героев доклада, что развернуло внимание аудитории к еще одной проблеме всех Нарциссов и всех Эхо – отсутствию понимания кем они являются вне отношений и кем они являются внутри отношений.

Нарциссу невыносимо быть вне отношений, поскольку ему придется соприкоснуться со своей пустотой, которая фактически является мёртвостью, ему также невозможно быть и в отношениях, так как придется отказаться от инвестиций своего Я, что для нарцисса также фактически является смертью, поскольку его дезинвестированное Эго будет под угрозой распада. Ему, Нарциссу, хочется быть со всеми, но это невозможно. В этом парадоксе отношений с самим собой и другими Нарцисс фактически выживает, будучи мертвым. Признав эту невыносимость, соприкоснувшись с ней, позволив себе пройти весь путь горевания по несчастлившимся отношениям с достаточно хорошей матерью, можно воспользоваться возможностью быть, в которой будет больше жизни, чем смерти.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ГРУППОВОГО ПСИХОАНАЛИЗА

ТЕОРИЯ ГРУППОВОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПСИХОАНАЛИЗА (ОЧНО И ОНЛАЙН).

Сертификационный курс Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии (ЕАРПП), Итальянской Конфедерации Группового Психоанализа (COIRAG) и E.G.A.T.I.N. (European Group Analytic Training Institutions Network).

Уникальная комплексная практико-ориентированная программа, подготавливающая специалистов, работающих методом индивидуальной психоаналитической психотерапии и психоанализа и методом групп - анализа.

Часы засчитываются при сертификации индивидуального и группового психоаналитика. По окончании выдается диплом о профессиональной переподготовке Московского Института Психоанализа и сертификат МШГА.

500 ЧАСОВ = 320 ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ (ЛЕКЦИИ, СЕМИНАРЫ, ДОКЛАДЫ, ГРУППОВЫЕ ИНТЕРВИЗИИ И Т.Д.) + 180 ЧАСОВ ПРАКТИЧЕСКОЙ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

Метод свободных ассоциаций – один из главных инструментов психоанализа и психоаналитические ассоциации наших коллег о фильмах – правомерный способ их осмысления. Поэтому СМОТРИМ КИНО ВМЕСТЕ С ПСИХОАНАЛИТИКОМ.

О древнегреческой трагедии и проективной идентификации в фильме Йоргаса Лантимоса «Убийство Священного оленя» размышляет Максим Францев.

Трагичную историю сложных, многогранных отношений матери и сына, тревожащие чувства, которые они испытывают друг к другу, представляет Майя Шведова в ассоциациях о фильме «Что-о не так с Кевином» режиссера Линн Рэмси.

«Убийство Священного оленя»

Францев Максим Леонидович

- член ЕАРПП (РО Санкт-Петербург)

Интересно взглянуть на один из важнейших аспектов происходящего в фильме: чувство вины главного героя и последствия этого через оптику психоанализа.

Йоргос Лантимос — греческий режиссёр, представитель «новой греческой волны», или, как её ещё называют, «странной волны» из-за того, что фильмы намеренно содержат много абсурдного и перформативного — «акт умышленного самообмана» [3]. Таковы и фильмы Й. Лантимоса.

В «Убийстве священного оленя» (2017 г.) изображён привычный мир. Главный герой фильма — кардиохирург Стивен (Колин Фаррелл) — работает в больнице. Он общается с парнем-подростком по имени Мартин (Барри Кеоган), в котором вначале логичнее всего увидеть его сына от первого брака, однако, далее становится понятно, что это не так. При этом Стивен, кажется, чувствует перед ним какую-то вину (вроде бы, логично, если он — бросивший его отец), так как дарит подростку дорогие подарки. Постепенно выясняется, что Мартин — сын пациента Стивена, погибшего у него на операционном столе. Стивен выпил перед операцией два бокала вина, поэтому смерть пациента произошла непосредственно по его вине. Мартин знает об этом и предлагает Стивену компенсировать свою вину, заменив ему отца: уйти из семьи, бросить своих двоих детей и начать жить с его матерью, на самом деле или символически усыновив Мартина. Более того, в игру включается мать Мартина (Алисия

Основой фильма, конечно же, является миф об убийстве Агамемноном священной лани (или оленя) Артемиды, в результате чего в наказание Артемида насылает на Грецию безветрие. В фильме «Убийство священного оленя» этот миф разворачивается в современных реалиях.

Сильверстоун), пытаюсь соблазнить Стивена. Это странно, абсурдно, но эта семья предполагает жизнь по какой-то другой морали и другим законам, чем-то напоминающей то ли законы древнегреческой трагедии (миф об Эдипе, не просто женившегося на матери, но на женщине убитого им человека — своего отца), то ли странным образом вывернутый левират (в этом случае Стивен — убийца отца Мартина становится его символическим братом, убийство как акт братания). Стивен с недоумением и негодованием данное предложение отвергает, после чего следует череда трагедий: сначала сын главного героя Боб (Санни Сулджик), а затем и дочь Ким (Раффи Кассиди) теряют возможность ходить. Падение Боба мы видим с ракурса сверху (взгляд Бога?), падение Ким — сразу после хора (как в древнегреческой трагедии).

Мир пока все еще продолжает существовать в рамках нашей привычной реальности, но разговор Стивена и Мартина в больничном кафе переводит реальность в перформативную. Мартин дарит главному герою нож (объявление войны? или символический акт некоего отрезания пуповины, «отрезания» себя от него как от несостоявшегося второго отца?), после чего сообщает, что Стивен в качестве компенсации за убийство его отца должен убить кого-то из своих близких: жену или кого-то из детей.

Основой фильма, конечно же, является миф об убийстве Агамемноном священной лани (или оленя) Артемиды, в результате чего в наказание Артемида насылает на Грецию безветрие: корабли не могут плыть (Боб и Ким не могут ходить). Прорицатель Калхант сообщает грекам, что для того, чтобы снять проклятие, нужно принести в жертву Артемиде дочь Агамемнона Ифигению. Этот миф послужил основой для огромного числа произведений от древнегреческих трагедий до Расина и Гете, опер Глюка и Пиччинни, современных театральных постановок (постановка Райнера Вернера Фассбиндера).

Безусловно, подвергая произведение анализу, мы разрушаем чисто эмоциональное восприятие фильма, его эстетическое переживание. С другой стороны, возможно, подключая интеллектуальную часть, мы делаем его восприятие более полным, объёмным?

В фильме «Убийство священного оленя» этот миф разворачивается в современных реалиях. Мартин — явно мистический персонаж, он неуязвим, главный герой не может ничего с ним сделать. И вместе с тем, Мартин — не носитель зла, он, скорее, оракул, инструмент в руках Судьбы, подобно Калханту из «Ифигении». Он — не субъект действия, а посредник. Именно Калхант приносит Ифигению в жертву, так же поступает и Мартин. Однако он действует не своими руками, а ещё более жестоким, чем в древнегреческой трагедии способом — руками самого Стивена.

Сначала условия, диктуемые Мартином, принимает Ким. Она начинает разговаривать с Бобом как с покойником, будто для неё его скорая смерть — уже факт реальности. Затем эту реальность принимает Анна, в самом конце фильма Стивен. В финальной сцене фильма мы видим семью, состоящую уже из трёх человек (Боб погиб) — холодную, спокойную, принявшую условия новой реальности, с другими нормами и моралью.

Существует много трактовок и попыток осмысления этого фильма, как и положено для хорошего и сложного кино, не только через древнегреческий миф, но и через библейское понятие греха (сын отвечает за грехи отца). На мой взгляд, интереснее взглянуть на один из важнейших аспектов происходящего в фильме: чувство вины главного героя и последствия этого через оптику психоанализа.

Стивен, безусловно, виноват в смерти своего пациента, он переживает эту вину, пытается загладить её при помощи дорогих подарков и хорошего отношения к его сыну. Но он совершает ошибку, приведя Мартина в свою семью, так как с этого момента вся семья Стивена начинает постепенно инфицироваться этой виной, запускаются механизмы проективной и интроективной идентификации. В фильме сначала Боб, а затем и Ким интроецируют вину Стивена перед Мартином. Ким даже пытается отдалиться от Мартина, возможно в попытке частично смягчить, компенсировать эту вину. Однако для Мартина секс с ней невозможен, Стивен для него — символический отец, а значит, секс с Ким станет инцестом. Ким теряет способность ходить. Конечно, есть искушение объявить случившееся с Бобом и Ким психогенным параличом¹, возникшим вследствие интроецирования ими отцовского чувства вины, тем самым демистифицировав происходящее на экране. Разумеется, это несколько разрушит мрачную красоту произведения, смикширует античное величие трагедии. Стоит ли вообще это делать? Не разрушаем ли мы анализом красоту? Пусть даже это и мрачная мистическая красота хоррора? Да и, вообще, насколько корректен сам подход — рассматривать художественное произведение, вымышленную историю с позиции клинического подхода, диагностировать проблемы и симптоматику вымышленных героев, анализировать бессознательную мотивацию их поступков и происходящее с ними? Да, безусловно, подвергая произведение анализу, мы разрушаем чисто эмоциональное восприятие фильма, его эстетическое переживание. С другой стороны, возможно, подключая интеллектуальную часть, мы делаем его восприятие более полным, объёмным?

Возможно, принятие и осознание вины могло бы запустить работу скорби. И можно было бы остановить разыгрывание, избежать жертвоприношения, обойтись без убийства Священного Оленя.

1 Мы помним случай женщины из «Психопатологии обыденной жизни», танцевавшей канкан на вечеринке, а затем, после осуждающих слов со стороны мужа, повредившей ногу. Фрейд трактовал это как бессознательную аутоагрессию, проявленную к самой себе вследствие вины перед мужем [2]. Можем обратиться и к многочисленным описаниям случаев истерической конверсии, психогенных парезов и параличей, других конверсионных соматических заболеваний — от классических случаев Анны О. и Доры до множества примеров, описанных современными авторами.

Ответ на последний вопрос даёт сам Фрейд в «Бреде и снах в «Градиве» Йенсена», собственно, в первом психоаналитическом культурологическом исследовании. «Конечно, наш читатель с недоумением заметил, что до сих пор мы обсуждали все психические проявления и поступки <...> [героев] <...> так, словно они были не творением художника, а реальными индивидами <...> Но мы находим его описания столь верно отражающими действительность, что не вступим в противоречие, если назовем «Градиву» не фантастическим происшествием, а психиатрическим этюдом»¹. Не сказать, что в «Убийстве священного оленя» действительность очень реальна, она как раз перформативно изменена, однако такая фантастическая реальность все равно базируется на реальной действительности и посему, полагаю, мы можем рассматривать фильм Лантимоса именно как «психиатрический этюд» (или психоаналитический кейс).

Признаёт ли Стивен свою вину? Нет, не признаёт, более того – пытается обвинить в смерти пациента анестезиолога, т.е. мы можем говорить об отрицании. Также мы можем наблюдать расщепление – он ведёт себя так, как будто он виноват (иначе зачем бы он вообще встречался с Мартином), и, в то же время, отрицает наличие вины, отрицает само событие его врачебной ошибки. Таким образом, мы можем предполагать, что поведением Стивена управляет бессознательная вина, которая настолько огромна и невыносима, что запускает работу примитивных защитных механизмов – расщепления, отрицания и проективной идентификации. Бессознательная вина приводит к разыгрыванию трагедии и к испугательной жертве.

Что было бы, если бы он полностью признал свою вину? Наверное, вошёл бы в контакт с этим чувством, перестал его отрицать. Возможно, принятие и осознание вины могло бы запустить работу скорби, и тогда в примитивных защитных механизмах не было бы нужды. И можно было бы остановить разыгрывание, избежать жертвоприношения, обойтись без убийства Священного Оленя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Фрейд З. Бред и сны в «Градиве» Йенсена. – М.: ЁЁ Медиа, – 2012. – 86 с.
2. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. – М.: Эксмо-Пресс, – 2015. – 192 с.
3. Молодцов Е. От иронии к искренности // Журнал о современной фотографии. Ф. [Электронный ресурс]. – URL: <https://emolodtsov.com › metamodern>. – (дата обращения 25.08.2021 г.).

Что-то не так с Кевином

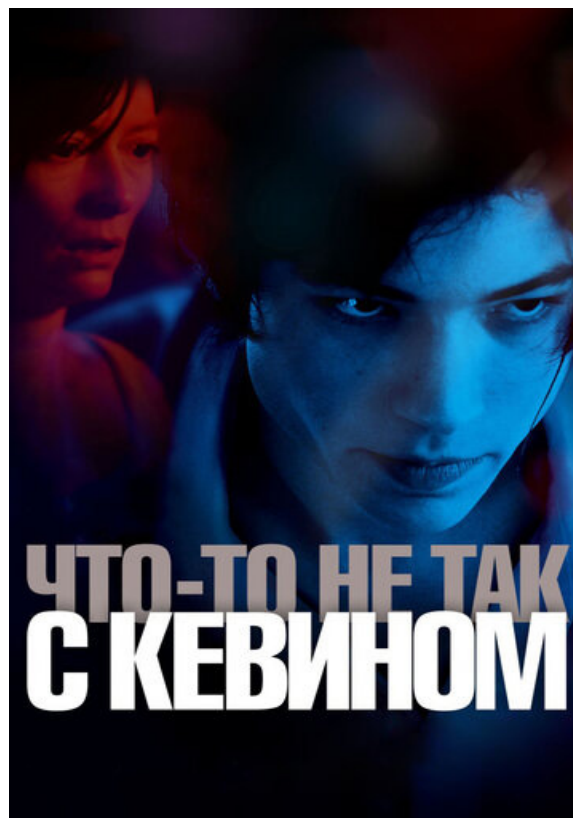
РЕЖИССЕР: ЛИНН РЭМСИ (2011)

Шведова Мария Михайловна

- член ЕАРПП (РО Москва)

Рэмси рассказывает нам действительно ужасающую историю, действие которой происходит в обыденном мире сухих завтраков, рождественских подарков под елочкой и семейных обедов в местном ресторанчике.

Ева (Т.Суинтон), мать тинэйджера (Е.Миллер), который на глазах «съезжает с катушек», пытается совладать с последствиями его разрушительных поступков, являющихся следствием детских психологических травм и распада ее отношений с сыном и отсутствующим мужем (Д.Райли). Беспристрастное полемическое исследование причин, по которым ребенок может «сбиться с пути», захватывает и заставляет задуматься. Рэмси рассказывает нам действительно ужасающую историю, действие которой происходит в обыденном мире сухих завтраков, рождественских подарков под елочкой и семейных обедов в местном ресторанчике. Мир настоящего кажется столь же усталым и серым, как и сама опустошенная Ева; мир прошлого подернут красноватой дымкой, очертания людей и предметов в нем смазаны, словно

скрывая грядущий ужас и недоумение. Ева — мать и монстр, женщина и ведьма, героически сражающаяся с трудностями героиня и, в глазах тех невезучих соседей, которые еще не уехали, — несомненная соучастница злодеяний сына.

Сам Кевин, главный антигерой, почти превращается во второстепенного персонажа, в тайного и неотступного мучителя ненавистной ему матери. Кевин — юный ангелочек, эффектный, но отталкивающий, пронзительно-холодный в духе «Омена». Однако, его темную сторону видят только мать и отец, которого все больше разочаровывают её неприкрытые и беспомощные усилия полюбить собственного сына. Мать и сын драматично показывают эти сложные, многогранные отношения. Странные, тревожащие чувства, которые они испытывают друг к другу, в конце концов приобретают характер катастрофы. Мать и сын словно кружатся в чудовищном танце, который пугает и зачаровывает вплоть до самого конца.

Итак, кто виноват и что делать? Кто это все осуществил: мать (курица) или ребенок (яйцо)? Кто зародил дьявола или дьявол сам зарождается?

Д.Винникот и У.Бион помогают понять эту трагичную историю. Д.Винникот описал деликатный сюжет ранних отношений между матерью и ребенком, который формирует базисную структуру душевной жизни — её основу. Холдинг — это «ансамбль» внимания, которым ребенок окружен с рождения. Он состоит из суммы ментального и аффективного, сознательного и бессознательного в самой матери, а также в ее внешних проявлениях материнской заботы.

Родители не только пытаются защитить ребенка от травмирующих аспектов физической реальности (шум, температура, неадекватная еда и т.д.), но они также пытаются оградить его душевный мир от преждевременных встреч с чрезмерно сильным чувством беспомощности, которое может провоцировать у ребенка тревогу полного исчезновения и смерти.

Мать Кевина была не способна переносить этот страх и реагировала, стремясь предотвратить его проникновение в нее. Если же это не удавалось, ощущала себя затопленной после такой его интроспекции. Отложив в сторону все личные и профессиональные амбиции, Ева посвящает жизнь рождению и воспитанию сына Кевина. Очень ярко отражены первые месяцы жизни Кевина, которые показывают нам его психопатологию. В пятнадцать лет Кевин совершает непоправимое, и Ева мучается сознанием ответственности и собственной вины. Достаточно ли она любила своего сына? Какова доля ее вины в происшедшем?

Бион описывает подобные отношения мать-дитя, отношения между контейнером и содержимым трех типов, которые мы наблюдаем в фильме.

1. Ригидная связь. Бион описывает эту ситуацию в клинической практике: «Аналитическая ситуация вызвала у меня ощущение, что я участвую в сцене из очень раннего детства. Я чувствовал, что пациент в младенчестве видел мать, которая отвечала на все эмоциональные проявления ребенка из чувства долга. В этом отклике из чувства долга было что-то от беспокойного: «Я не знаю, в чем дело с этим ребенком». Из этого я сделал вывод: чтобы понять, чего же хочет

Ребенок страдает от «безымянного ужаса» — то есть состояния психики, которое не поддается осмыслению». Этот ужас вылился в фильме: к сожалению, Кевин только так мог показать свои чувства к матери.

ребенок, матери надо было услышать в его крике нечто большее, чем требование ее присутствия» (Bion 1959, p. 103). Младенцу нужно от матери вовсе не исполнение долга. Ему нужна мать, которая почувствует его беспокойство и до некоторой степени будет обеспокоена сама».

В этом случае ребенок чувствует себя непонятым, непринятым и в дальнейшем не доверяет матери контейнировать свои чувства. Он будет пытаться сам себе помочь и со временем выработает паттерн обращения с чувствами, который будет сопровождать его и во взрослой жизни. Это может быть вытеснение, бурное отреагирование или модель, которую предлагает мать (механический подход к чувствам, направленный, скорее, на заглушение, чем на истинное удовлетворение потребности). Очень вероятно появление ритуалов и навязчивостей у ребенка, а со временем у взрослого могут появиться компульсивные виды поведения. На примере Кевина мы видим этот вариант развития.

2. Хрупкая связь. «Этот тип является противоположностью первому. Здесь контейнируемое обладает такой силой, что переполняет контейнер, и он взрывается или в той или иной степени утрачивает свою собственную форму и функцию. Материнская психика буквально может распасться на части, и тогда мать впадает в панику или с ней случается нервный срыв».

После переживания опыта такой реакции со стороны матери, ребенок вырастет с ощущением, что его чувства, переживания и проблемы могут переполнить его близких, что его чувства непереносимы окружающими или их слишком много. Такой человек будет все время испытывать чувство вины за выражение чувств и бояться быть до конца откровенным. Он находит способ избавиться от неприятных переживаний – чувства вытесняются или проявляются в саморазрушительных актах, а в будущем – привычках.

Я считаю, что Кевин рос именно с таким ощущением: нельзя делиться своими чувствами с окружающими, ведь они никому не нужны.

3. Гибкая связь. «Понимающая мать способна переживать чувство ужаса, с которым ребенок пытается справиться посредством проективной идентификации, но при этом сохранять уравновешенность» (Bion 1959, p. 103). Мать должна чувствовать ужас и все же сохранять уравновешенное состояние ума, и тогда постоянный процесс взаимного влияния и адаптации не прерывается. В этом случае ребенок на примере матери учится не пугаться своих чувств, а искренне переживать их и справляться с ними, тогда во взрослом состоянии человек будет уверен, что чувства переживаемы, естественны и к ним нужно относиться с вниманием и уважением.

Все матери время от времени терпят неудачу. Ригидная мать принимает что-то в себя и, как описывал это Блон, произносит формальные ответы без реального понимания страдания ребенка. Хрупкая мать, соприкасаясь со своим страдающим ребенком, распадается на части и паникует. В любом случае, ребенок получает обратно свои собственные проекции с косвенным сообщением, что состояние его души непереносимо – мать показала, что не может вынести этого. Ребенок страдает от «безымянного ужаса» – то есть состояния психики, которое не поддается осмыслению». Этот ужас вылился в фильме: к сожалению, Кевин только так мог показать свои чувства к матери, поскольку не имел возможности иметь гибкую связь с ее контейнером.

Киноистория Рэмси подтвердила прочную связь психопатологии взрослого и ранних деприваций ребенка.

ДИСКУССИЯ

Обычно фраза: «точка зрения автора не совпадает с мнением редакции» сопровождает статьи спорные, неоднозначные, возможно, провокационные. Так было и со статьей Игнатъева. Редколлегия спорила и сомневалась: печатать ли? Она дозревала в «портфеле», пока не наступили перемены в обществе, которые вернули нас к размышлениям о влиянии СМИ на нашу жизнь, о противоречиях и конфликтах, о тревоге, которую порождают медиа. И сколько мы ни стараемся эти новости как-то понять, приютить внутри себя, вписать в привычную картину мира, не получается воспринимать происходящее спокойно и взвешенно. Хочется спорить, доказывать, убеждать, искать оппонентов и единомышленников.

Предлагаем читателям поразмышлять, подискутировать о происходящем, насущном в рамках нашей новой рубрики: ДИСКУССИЯ. Ваши отклики и размышления будут опубликованы.

Инфекция, скверна и моральная паника

Игнатьев Андрей Андреевич

- Кандидат философских наук, доцент Центра изучения религий РГГУ, автор курса «Социология религии» в РГГУ (Москва).

Я привык считать себя социологом, хотя и необычного профиля – не психоаналитик, не психотерапевт и не психолог. При этом достаточно часто действую как «сам себе психотерапевт». Что это значит? Я — человек с повышенной тревожностью, так получилось. Когда по телевидению или по радио сообщают новости или, тем более, рассказывают о сенсациях (*news* и *sensation*, как известно — пароль медиа), которые меня так или иначе могут коснуться, стараюсь эти новости как-то рационализировать, представить их как нечто понятное, вписать в привычную для меня картину мира.

Слово рационализация есть не только у психологов, но и у социологов. Означает оно в точности то же самое, то есть, придание рациональности чему-то непонятному и тревожащему. У нас это — не ругательство, у нас это — нормальная процедура. Понятно, что рационализация

Стало понятно, что в условиях пандемии условия постановки и верификации диагноза грубо нарушены, вследствие чего медиа экспонируют не только самый процесс распространения инфекции, но параллельно еще какой-то процесс эпидемического типа.

ет информацию из сообщений медиа. В данном случае это чрезвычайно важно, потому что массовый опыт индивида, живущего долгое время в условиях пандемии, опосредствован медиа.

Когда появились первые сообщения о пандемии, благо, эпицентр тогда находился поблизости от того места, где я сейчас живу (живу я в Словении, в нескольких часах езды на автомобиле от Италии, поблизости от мест, где разворачивался этот кошмар), я, естественно, встревожился. Встревожившись, я начал внимательно следить за тем, что нам сообщают медиа, и пытался придать всему этому рациональный характер. Что, собственно, происходит? Вплоть до того, что начал вычислять, какова вероятность того, что я заболею и умру. Насколько велики мои шансы в этой жуткой ситуации остаться в живых. Интересное занятие само по себе, успокаивает. Придает рациональность, к которой стремились платоники и пифагорейцы — рациональность численных отношений.

Для того, чтобы рационализировать картину, которую мне предоставили медиа, я попытался сформулировать парадигму клинического дискурса, понимая клинику как социальный институт по Мишелю Фуко. Я даже выпустил стрим, посвященный парадигме диагностики. В результате я смог определить причину, по которой картина пандемии, представленная в медиа, показалась мне странной.

Первая и самая важная странность обнаружилась далеко не сразу, но это такая вишенка на торте. В контекстах клиники действует тот же самый императив, что и в контекстах полиции. Просто дословно: «нет тела — нет дела». Если человек не попался на глаза врачу, то этот человек, по умолчанию, здоров. Просто так устроен институт клиники. Бывает, что индивид вынужден обратиться к врачу в силу действия какой-то административной нормы (например, при диспансеризации), а не потому, что плохо себя чувствует. Тем не менее, он/она всё равно должны предстать перед врачом лично.

В советские времена я часто проходил диспансеризацию в связи с выездами в командировки за границу, надо было получить справку, в которой было

может быть адекватной и неадекватной. Может быть валидной или инвалидной. Может быть продуктивной, или, наоборот, блокирующей рефлексию.

Так получилось, что, в силу особенностей характера, я достаточно часто занимаюсь рационализацией новостей. Информация, которой я обычно располагаю, и для анализа политических процессов, и когда пытаюсь сам себя успокоить, основана на новостных выпусках, сайтах, блогах. Источник довольно сомнительный. Но современный человек, если он не политик, как правило, черпает

Почему Понтий Пилат
помыл руки после того,
как отдал Иисуса на казнь?
Это пурификативный ритуал,
а не гигиенический.

написано: «практически здоров». Это не значит, что я был действительно здоров. Это значит, что я могу ехать за границу. Такую же справку получает человек, работающий в авиации диспетчером или пилотом. Такую же справку получает человек, работающий в продовольственном магазине. И так далее. Человек может быть довольно серьезно болен, однако стандарту, который предполагается при диспансеризации, этот человек соответствует.

Рассуждая дальше, я стал думать, как медики ставят диагноз? Если совсем коротко, то в режиме диалога: пациент появляется перед глазами врача и рассказывает о своих жалобах: «Вот тут болит, тут колет, тут чешется, а тут не чувствую». Врач слушает этого пациента и переводит жалобы на язык нозологии. То есть, в потоке этих жалоб распознает какие-то симптомы, опознает синдромы, которые эти симптомы образуют, и на основании этого ставит диагноз: вот это — шизофрения, или это — чесотка, или это — грипп, а этот человек «валяет дурака», симулирует, хочет получить больничный.

Стало понятно, что в условиях пандемии все эти условия постановки и верификации диагноза грубо нарушены, вследствие чего медиа экспонируют не только самый процесс распространения инфекции, но параллельно еще какой-то процесс эпидемического типа. Последние лет тридцать я занимаюсь социологией религии. Про инфек-

В религиях всего мира есть представление о неких виртуальных субстанциях — одна называется по-русски скверна, другая называется благодать.

цию не знаю ничего, а вот про некоторые процессы, которыми занимаются религиоведы и социологи религии, знаю немало. Как только я разместил свои вопросы в этом контексте, стало понятно, что речь идет не только о распространении инфекции. Есть такой термин в религиоведении – *скверна, осквернение*. Есть современный жаргонный термин «*зашквар*», попасть в «*зашквар*» – оскверниться. В первую очередь, борьба идет со скверной, а только потом, и не всегда адекватно, борьба с инфекцией.

Что такое скверна? В религиях всего мира есть представление о неких виртуальных субстанциях — одна называется по-русски скверна, другая называется благодать. Обретая благодать, вы получаете какие-то блага. Например, если вы сели играть в карты, у вас выпадают тройка, семерка, туз всегда. Если вы вышли на улицу, то шанс попасть в неприятную историю ничтожен — Бог хранит. Кризис чудесным образом вас минует — финансовый, политический. По соседству происходят всякие ужасы, а вам хоть бы что, если вы «подцепили благодать».

Если вы «подцепили скверну», то все наоборот — можно поскользнуться на ровном месте и расшибиться так, что будете долго лежать в больнице. Я люблю приводить примеры из художественной литературы, потому что они наиболее удобны. Есть такой писатель, которого я высоко ценю — Тонино Биноквиста. У него есть роман «Три красных квадрата на черном фоне». Это история молодого человека, преуспевающего, подающего надежды в самых разных областях. Он пошел с подругой на выставку современного искусства. Там на него упала инсталляция, в результате чего пришлось ампутировать кисть правой руки. А молодой человек был в двух шагах от чемпионства страны

Принято считать, что эпидемическими являются процессы распространения сплетен, новостей, сенсаций. Журналистика работает на эпидемических процессах.

по бильярду. Это — личностная катастрофа, это, конечно, скверна. То ли девушка не та, то ли не надо было ходить на выставку современного искусства. Осквернившись, любой военачальник проигрывает битву. И так далее.

В любой религии в большей или меньшей степени есть так называемые пурификативные ритуалы, или ритуалы очищения. Очищения от скверны, а не от инфекции или от грязи. Другое дело, что большинство процедур, которые мы сегодня знаем как расхожие гигиенические, возникали как пурификативные.

Почему Понтий Пилат помыл руки после того, как отдал Иисуса на казнь? Это пурификативный ритуал, а не гигиенический. Почему мы вытираем ноги при входе в дом, почему меняем обувь и одежду при входе в дом? Да, в этом есть гигиенический смысл. Но первоначально это был пурификативный ритуал. Почему существует выражение «грязные» деньги? Они грязные в буквальном смысле? Нет, их нельзя брать, потому что попадешь в «зашквар», осквернишься, «подцепишь» скверну. И такого много, можно писать отдельную большую монографию про эту самую скверну.

Еще важно сказать, что скверна распространяется благодаря процессам, которые в математике давно называются эпидемическими. Это эпидемические социальные процессы, для их описания применяется та же самая математическая модель Пуассона, которая первоначально была разработана для анализа распространения эпидемий. Принято считать, что эпидемическими являются процессы распространения сплетен, новостей, сенсаций. Журналистика работает на эпидемических процессах.

Если кто знаком с делом «сэйлемских ведьм», то там кривая заявлений в правоохранительные органы хорошо описывается как эпидемическая кривая: резкое возрастание, потом длинный спад. Так выглядит и описывается любая эпидемия.

В рамках представления о скверне в самых разных областях формировалось очень важное представление о *неприкосновенности* и *неприкасаемости*. Это не про эпидемию. Есть люди, которых нельзя касаться. Почему? Они неприкосновенны. Любое касание их оскверняет. Они должны быть удалены от обыкновенных людей, которые могут быть как приличными людьми, так и разносчиками скверны. Так определяется элита.

Точно так же появляется категория неприкасаемых. Их нельзя касаться, потому что скверну подхватишь, попадешь в «зашквар». Естественно предположить, что это такая мистифицированная форма представления об инфекции, но нет. Это — такая гибридная форма представлений о контактах между людьми. У древних людей опыт инфекций, опыт пандемий, эпидемий был куда более богатый, чем у нас, это — реальность, в которой они постоянно жили. Но это еще и опыт общения с чужаками, опыт контактов с мертвецами, некий аффект, который охватывает человека при созерцании мертвого тела, при внезапном появлении чужака. В понятии скверны эти два опыта, опыт эпидемий и опыт чужого, тесно соединены.

Представление об инфекции выделилось из представления о скверне по историческим меркам недавно и даже не вполне. Окончательно об отделении можно говорить только в середине 19 века. Когда появляются гигиенические правила — акушерам мыть

руки, у Н.И. Пирогова появились требования к хирургам мыть руки. До этого прививки от оспы внесли свой вклад в тему. А до этого одно от другого не отделяли. Считается, что впервые представление об инфекции отделил от представления о скверне Джироламо Фракасторо, который в 1530 году написал книгу о лечении сифилиса. До сих пор у нас сифилис считается скверной болезнью, этот эпитет в данном случае не случаен.

Есть сферы, где представление о скверных контактах действует в полном объеме без отсылки к инфекции — это тюрьма, криминальные сообщества. Там есть категория неприкосновенных, есть категория неприкасаемых, есть средняя категория «мужики» (карьера этой категории может быть разной). Можно вспомнить закрытые религиозные общины, которые уничтожают посуду, которой пользовались гости. Не моют, не дезинфицируют, а сжигают. Это классический пурификативный ритуал — огонь, который очищает.

Если речь идет действительно о скверне, а не об инфекции, то роль медиа становится понятна и велика. Все, включая меня самого, черпают информацию не в специальной медицинской литературе для врачей, а в медиа, именно поэтому все оказались причастны к этому процессу, и все провалились в лиминальность. Процесс, который мы наблюдаем как обыватели, на телевидении, в радиоэфире, в интернете, разворачивается именно как циркуляция скверны, а не инфекции.

У катаров (религия в начале второго тысячелетия н.э.) был у руководителей религиозных общин статус — *совершенные*. На них не распространялись этические нормы этой общины, они защищены от греха неприкосновенностью. Для чего? Для греха, конечно, для скверны.

Такая же история была в середине 16 века в Нидерландах. Существовала Мюнстерская коммуна, в которой локальная теократия считала себя совершенной и безгрешной при чрезвычайно развратном образе жизни. Они имели на это право.

Про неприкасаемых говорить не буду, слово «зашквар» отсылает нас к определенному социальному феномену и процессу. Понятно, что речь идет не об инфекции. Понятно, что речь идет о скверне.

Традиция печь пироги и выставлять их на стол как праздничное угощение, скорее всего, пережиток древнейших ритуалов жертвоприношения, входивших в комплекс практик очищения от скверны. Сначала на стол, за которым собрались юноши иницианты, подавалась корзина с пирожками строго нечетного числа. Один из этих пирожков был с трэфной начинкой — из мяса тотемного животного или даже человечины. Тот, кому он достался, приобретал особый статус индивида, которого следует принести в жертву. Этот индивид из-за стола изгонялся, оставшимся подавался открытый пирог с растительной начинкой, сыром, морепродуктами, грибами, разрезанный на четное количество долей. По этой модели, кстати, до наших дней готовят пиццу.

Аналогичные функции, скорее всего, выполнял древнейший карнавал. Одевши маску, его участники приобретали статус носителей скверны, то есть, потенциальной жертвы. Тот, кто предложил другому снять маску, тоже приобретал такой статус. На это недвусмысленно указывает фольклор, окружающий обычаи и практики карнавала.

Маска, как и пирог — диспозитив посредничества между повседневностью и каким-то иным миром за ее границами. Пирог едят на праздник, связанный

Медиа присвоили себе статус
экспертного сообщества.

с каким-либо обрядом перехода, маску носит человек, заживо отправленный во тьму внешнюю, в маске к народу выходит жрец, совершающий дивинацию, чужак, палач, актер на сцене, да мало ли их таких.

Отсюда видно, какие странные ритуалы, обычаи и привычки порождает циркуляция скверны. До какой степени эти ритуалы и обычаи актуальны до сих пор, только мы не всегда это осознаем. Маска, в частности — это не просто так, за маской огромная тысячелетняя историческая традиция, уходящая в глубины бессознательного семантика. Все эти манипуляции: носить маску, не носить маску, защищает от инфекции, не защищает от инфекции — на самом деле, разговор о скверне.

Ну, и про карантин. Первоначально, в Венеции был остров, куда отправляли моряков, прибывших из дальнего плавания. Отправляли на какое-то время, чтобы подождать, не являются ли они носителями инфекции. Побыв в карантине какое-то время, моряки получали право перебраться в город и жить нормальной жизнью.

В отличие от этого всеобщий карантин, который время от времени пытаются установить «цивилизованные страны», разумеется — образцовый *contradictio in adjecto*. Такой карантин заведомо не предполагает какого-то небольшого, но социально опасного контингента, который должен быть изолирован от здорового большинства.

Надо признать, что пандемия очень сильно разрушила повседневность обыкновенного человека. Кто-то пострадал больше, кто-то меньше, но привычный, сложившийся десятилетиями образ жизни, пострадал. На протяжении двадцатого века со времен эпидемии испанки ничего подобного не было, но тогда была война. Это разрушение повседневности, которое коснулось и обывателей, и врачей вызвало процесс, который называется *моральная паника*.

Моральная паника — это страх попасть в «зашквар», распространяющийся как эпидемический процесс. За последние 20 лет опубликовано довольно много литературы на тему моральной паники, как об особом эпидемическом процессе. Первая моральная паника была в связи с пандемией AIDS (спида).

Здесь свою критически важную роль сыграли опять-таки медиа. Хлеб насущный медиа, как уже сказано, — это *news u sensation*, то, что бьет по нервам. Во всей довольно сложной картине происходящего акцентировалось именно то, что бьет по нервам и вызывает панику. Повышается спрос на новости, это повышает доходы медиамагнатов.

Надо признать, и пандемия это показала, что отношения между экспертным сообществом и медиа никуда не годятся. Медиа присвоили себе статус экспертного сообщества. В результате, психологические и экономические потери от эпидемии оказались гораздо выше, чем можно было бы предполагать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
2. Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2000.
3. Тэрнер В. Обряды перехода. М.: Наука, 1983.
4. Sorlin P. Mass Media. L.-N.Y.: Routledge, 1994.
5. Thompson K. Moral Panics. L.- N.Y.: Routledge, 1998.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ГРУППОВОГО ПСИХОАНАЛИЗА

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОНЛАЙН КУРС «СЕКСОЛОГИЯ И СЕКСОПАТОЛОГИЯ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Программа сочетает в себе теоретические основы сексологии и сексопатологии и практические блоки, обучающие работе с сексуальностью клиента, что позволяет специалистам обрести реальные знания о том, как прорабатывать эту тему в терапии со своими клиентами.

Программа аккредитована в ЕАРПП \ МШГА.
По окончании выдается диплом о профессиональной переподготовке Московского Института Психоанализа или сертификат Международной Школы Группового Психоанализа (EARPP, EGATIN, COIRAG).

270 ЧАСОВ = 192 АУДИТОРНЫХ ЧАСА + 78 ЧАСОВ
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ (ОСВОЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ,
НАПИСАНИЕ ДОКЛАДОВ И Т.Д.)

КНИГИ

Иван Барминов

История одной шизофрении

Иван Барминов/ История одной шизофрении/
Издательство Ridero, Екатеринбург/
ISBN 978-5-0050-2580-7

О КНИГЕ

Чудесное утро пятилетней девочки, живущей в обычной семье: она ест хлеб с маслом и вишневым джемом, пьет кофе, в окне сияет солнце, рядом ее любимая мама. Однако непростые жизненные обстоятельства запускают разрушительные процессы в личности Полины. Странные сны, нелепое поведение, неожиданные решения и обращение к психиатрам. Что произойдет с ее психикой и есть ли шанс на спасение вы узнаете из описания жизни Полины с пяти до пятидесяти пяти лет.

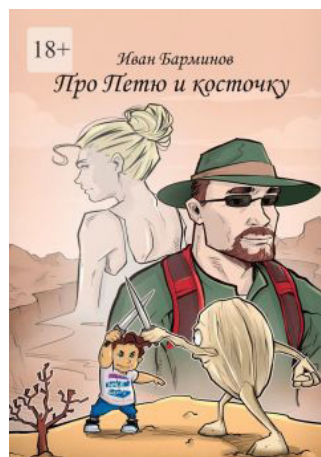

ОБ АВТОРЕ

Иван Барминов – врач, психоаналитический психотерапевт, член ЕАРПП. Родился в г. Калуга, всегда интересовался тем, как устроен внутренний мир людей. Иногда из удивительных историй, наполненных сложными противоречивыми чувствами, рождаются сюжеты книг.

Иван Барминов

Про Петю и косточку

Иван Барминов/ Про Петю и косточку/
Издательство Ridero, Екатеринбург/
ISBN 978-5-0056-2773-5

О КНИГЕ

Успешный Алексей — археолог и раскопки в Киргизии для него важнее воспитания годовалого сына Пети. У мамы ребенка развивается тревожное расстройство, и семье необходимо возвращение папы Пети. Но Алексей погружен в служебный роман в степях. И пока размышляет: остаться с женой и сыном или развестись, над Петей нависает смертельная опасность. Судьбу героев определит «нелепая случайность».

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

ISBN 978-5-6048201-0-0

9 785604 820100